

18+

Все на маёвку!

Сборник рассказов

Все на маёвку!

Сборник рассказов

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Все на маёвку! : Сборник рассказов. — [б. м.] : Издательские
В84 решения, 2021. — 128 с.
ISBN 978-5-0055-2943-5

Что такое «маёвка» — знают немногие современные люди. Назывался ли так один из главных праздников страны Советов? Были ли это юные девушки? А может, разгадка кроется в традициях кельтов или жертвоприношениях Закрытого города? Сколько судеб вершилось под лозунгом «Мир! Труд! Май!»? Соавторы книги показали, как самые разные жанры и истории могут подружиться под одной обложкой, ведь все события произошли в весеннем месяце мае.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-2943-5

© Евгений Диченко, дизайн обложки, 2021

Оглавление

Маята	5
Часть первая	5
Часть вторая	8
Часть третья	11
Часть четвёртая	13
Часть пятая	15
В один Белтейн	17
Поколение	24
Хедвика. Начало	26
Майское солнце	32
Белтейн или житие святой Вальбурги	36
София: «Кто я?»	43
Закрытый город	52
Сокровища славян	57
Я по тебе скучаю, ба	62
Киони и загадочный незнакомец	67
Часть первая	67
Часть вторая	68
Часть третья	70
Часть четвёртая	71
Часть пятая	72
Часть шестая	73
Часть седьмая	74
Часть восьмая	77
Подарок на 1 мая	79
Леська	83
Часть первая	83
Часть вторая	85

Первый день мая	91
Часть первая	91
Часть вторая	94
Трактор, который мечтал стать самолётом	100
Часть первая	100
Часть вторая	101
Часть третья	102
Четыре подковы	103
Праздник Весны и Труда	115
Маёвки	122

Маята

Ольга Тушнова @vogidaniichudavsegda

«Слово «маята» достаточно устаревшее, возвращено мной умышленно, ибо именно маяться нам, русским людям, видимо, написано на роду...»

/От автора/

Часть первая

...Он родился в мае 33-го. В страшное и голодное время. По стране на фоне неурожаяев полным ходом шла партийная чистка, зашкаливала пропагандистская истерия. Не дремали последователи продразвёрстки, о которой в учебниках истории не писали. Как и о её порождении — коллективизации. Впрочем, о последней упоминалось. Сухими цифрами с немногочисленными и как обычно приукрашенными фактами.

На деле же мало кто знал, какой ценой она досталась простому народу. Когда любой чинуша, стремясь выпятиться и сделать карьеру, шёл иногда и путём преступления по отношению к себе подобным. И если вы думаете, что фашизм зародился в Германии, то очень сильно в этом заблуждаетесь...

Папа... Папочка... Папулечка... Страдать, а, может, и маяться, ты начал ещё до своего появления на свет. Вместе с ней. С моей бабушкой, которой, несмотря на усиленно насаждаемый атеизм, с раннего детства было вменено, что господь не посылает испытаний, которые мы не в силах преодолеть...

... — Маняша!.. А, Манятка?! — звала Марию через за-

бор соседка тётя Паша.

Худошавая, вряд ли выглядящая на свои сорок пять лет, женщина, а теперь ещё и с явными признаками измождения, давно чувствовала себя неважно. Но отыскать в их глуши фельдшера нужно было ещё умудриться. А в город к врачам не наездишься.

— Да, тётъ Паш! Чего вам? — полногрудая, пышущая не столько здоровьем, сколько счастьем в ожидании первенца молодуха вышла с полотенцем на крыльцо.

— Где твой Василий? Кликнула бы!.. Мне в город надобно. К доктору. Сил нет, как болит всё. Свозил бы, что ли, в Углич на своей таратайке по-соседски?

— Сейчас спрошу, тётя Паша! — улыбнувшись, Мария вытерла руки, повесила полотенце на верёвку, натянутую через двор, и огляделась.

Сердце тревожно ёкнуло. Более получаса прошло, как её муж, высокий темноволосый красавец Василий, год назад назначенный общим собранием председателем сельсовета, пошёл задать овса их кобылке Мушке. Взгляд молодой женщины упал на лестницу, приставленную к торцу дома, ведущую на чердак. Вытерев ещё раз — теперь уже о передник, — вспотевшие от страха ладони, Маша подошла к лестнице. Положив руку на перекладину, она вспомнила, что Вася ей строго-настрого наказывал даже не думать туда лазить. Особенно в теперешнем её положении и без надзора.

Лестница была старая, требовала срочной починки, но навалившиеся на хозяина дома новые обязанности совсем не оставляли свободного времени. С утра до вечера Василий мотался на своей двуколке по всему, вверенному ему, хозяйству. Весенний сев поджимал в сроках, из области то и дело сыпались депеши и телефонограммы сдать лишнее из посевного фонда зерно. А где его взять-то было, лишнее?

«Однако... — ужас охватил уже Манино сознание, — сколько времени прошло? Почему Вася так долго идёт

к завтраку? И почему лестница до сих пор не на месте — на крюках, вбитых тут же, в стену дома?»

Василию нужно было отдать должное: хозяином он был рачительным — в отца. За его хозяйскую жилку и оказали сельчане ему доверие. И уж что что, а лестницу он точно никогда не бросил бы, не прибрав на место. Стало быть, он ещё там...

Правда, в последние пару — тройку месяцев Манечка не раз просыпалась оттого, что мужа нет рядом. Шла и находила его либо на крыльце, либо на завалинке у дома в раздумьях.

Закутавшись в шаль, прижималась к нему молодым горячим телом, пытаюсь согреть, а более того — понять, о чём он так напряжённо думает. А спросить боялась: не бабье это дело — в мужские думы вникать. Да только сердце женское обмануть трудно. Оно и подсказывало: неспроста всё это, ох, неспроста. Вот и сегодняшнюю ночь муж плохо спал, всё метался да звал кого-то.

...Выбора не оставалось. Накормленная и запряжённая, но пока без узды, Мушка — серая в крапинку кобылка, пофыркивала посреди двора, в нетерпении ожидая седока. И Мария ступила на перекладину.

Рассохшееся дерево поскрипывало под ногами. С каждым шагом было всё страшнее делать следующий. Если бы Маня только знала, какая картина откроется у неё перед глазами через пару минут, она бы бежала отсюда без оглядки. Сердце выскакивало из груди. Дитя под ним дёрнулось с её последним, уже на сам чердак, шагом...

Манин крик был таким, что Мушка, заслышав его, сорвалась с места и, выломив дощатые, крест-накрест, створки ворот, понеслась по просёлочной дороге...

Часть вторая

...Если то, что Маня сама осталась жива, можно было назвать божьей милостью, то он смиловился над ней — за веру её и покладистость. Горячка понемногу отступала.

— Слава тебе, Господи!.. перекрестившись, тётя Паша сменила сухое полотенце на лбу роженицы на влажное. — Кажись, приходит в себя!..

Бабка Степанида, крючконосая старуха, похожая на подобревшую бабу Ягу, вновь засуетилась у печи. Она была большая охотница до всяких снадобий и по совместительству — местной повитухой. Врачей в тех местах не сыскать было днём с огнём: полтора врача на десять, а то и пятнадцать тысяч душ населения. Вот люди и пользовались услугами знахарей да повитух.

...Этот запах Маня узнала бы из тысячи. Запах ладана. Так пахло, когда хоронили маму, сгоревшую за неделю от тифа. Маше самой было всего двенадцать, когда она, заразившись от матери, лишь чудом выкарабкалась из цепких лап болезни, хотя шикарную косу пришлось отрезать, а голову остричь чуть не наголо.

Спустя пять лет от бандитских рук погиб отец — один из первых вступивших в их посёлке в партию и занимавший место и председателя поссовета, и старшего агронома. Набирало силу раскулачивание зажиточных крестьян, а мстили они за это ох, как жестоко!

Тогда-то Маню и взяла к себе под крыло их бездетная соседка — тётя Паша. Она научила Манечку и домашнее хозяйство вести, и ходить за живностью, готовить еду да разному женскому рукоделию.

Чему-то Маню, безусловно, учили и родители, но в последнее время отец чаще, чем дома, бывал на работе. Да и хозяйства не было как такового. Старый пёс Султан да пара курочек. Дабы не уподобляться кулакам, не положено

было иметь своё хозяйство. Положено было поднимать народное.

А истосковавшись по рано ушедшей родительнице, Манечка и потянулась к соседке всем своим сердечком, если уж не как к матери, то как к тётке. Пока однажды на общем сходе в клубе не увидела сына бывшего, известного всем в округе, кузнеца Николая Кузьмича, погибшего от рук врагов Советской власти.

Василий был руководителем местной комсомольской ячейки. Увидела его Маня да и пропала. А уж когда он с трибуны выступал с пламенными речами, агитируя крестьян активно вступать в колхозы и помогать ликвидировать безграмотность, Маня и вовсе слушала его, открыв рот.

Оно и немудрено. Вася был молод, хорош собой и весь как бы светился от обуревавших его поначалу идей всеобщего, не ему одному обещанного, равенства и братства. Постепенно от собрания к собранию, приходя пораньше, Маня перебиралась по лавочкам всё ближе к трибунам. И однажды осмелилась-таки подойти и спросить, будут ли у них в посёлке как-то ликвидировать эту самую безграмотность.

С того дня всё и началось. Теперь каждую субботу и воскресенье ребята встречались в клубе во вновь образованной школе ликбеза. Два часа шли занятия, особо не поговоришь, но зато после говори сколько хочешь.

А там лето, принявшее их в свои распростёртые объятия. Выезды в ночное, купание коней, костры в полнеба и картошка на углях. Сенокосы и ночёвки прямо в свежескошенном душистом сене, разговоры под звёздами и мечты о непременно светлом будущем, которое не сегодня-завтра настанет.

Прошло лето, за ним осень и зима. Очередное собрание по случаю Первомая вылилось в предложение руки и сердца. В двадцатых числах мая, на Николу майского, — в честь Васиного отца — молодые хотели расписаться, да

тётя Паша отговорила, дескать, маяться ещё потом всю жизнь. И регистрацию перенесли на июнь.

Примерно в это же время по окончании посевной Василия выбрали председателем сельсовета. А следующую свою посевную он уже не закончил. Он даже не узнал, что у него родился сын.

Так не должно было случиться, но так случилось. Согласно бумагам, Василий Николаевич, мой дед, добровольно ушёл из жизни, накинув себе на шею петлю, сооружённую из конской узды.

Казалось бы, чего ещё хотеть: молодая жена, через месяц родится ребёнок, работа, нужная стране и людям, доверие. Хотя относительно последнего можно было сказать и так: доверие — оно тогда доверие, когда взаимно. Может, в этом была какая-то знаковость, а может и сокрыта чья-нибудь тайна...

...Придя в себя, Мария первым делом спросила:

— С дитём всё хорошо? — остальное было и так ясно: по запаху ладана да по цвету женских платков.

— Нету больше нашего Васеньки, Манечка! — и тётя Паша, по-детски закрыв ладошками лицо, тихо заплакала. Затем, вытерев глаза уголком нижнего, под траурным, платка, повернулась к люльке и достала из неё спелёнатого младенца:

— Мальчик у тебя родился, сыночек. В ночь на одиннадцатое мая. Как звать-то будешь?

— Юрием. Факел значит. Так мы с Васей решили, прочитавши в одной умной книжке... Васю рядом с отцом похоронили?

— Рядом, милая... рядом, сердешная... Ты покорми сыночка пока да поплачь, ежели захочется. А я пойду, не буду вам мешать...

Часть третья

...Отец Василия, Николай Кузьмич, основам грамоты сына обучал сызмальства. Как мог. А прознав, что в Угличе действует чуть не единственная на весь Ярославский уезд гимназия, стал когда раз, а то и дважды в неделю возить его на занятия. Пока тот учился, ехал на рынок за материалами или выполнял просьбы соседей, кому чего привезти по пути. А потом увозил Васю обратно. Там, в гимназии, парень и узнал о существовании точных наук: арифметики и физики.

Сам Николай Кузьмич, как человек нелёгкого труда, старался держаться от наук подальше, да и в сыне видел лишь продолжателя дела своего, кузнецкого. Но с умом.

Ослушаться отца Вася не мог и поначалу исправно помогал ему в кузнице. Но как-то, когда он был уже подростком, в посёлок нагрянули комсомольские активисты. Красиво говорили, раздавали листовки и брошюры. И сбили-таки парня с толку.

Вася рос любознательным мальчиком, много читал, часто спорил с набожной матерью о Библии и её канонах, частенько вводя малограмотную женщину в ступор. Однажды, когда семья ожидала отёла единственной своей коровицы — коровы Зорьки, он спросил у матери:

— Матушка, ну если Ева совершила первородный грех и теперь должна рожать в муках, то чем перед богом провинилась... да вот хоть наша Зорька, коли тоже рожает в муках?

Тогда мать только и смогла, что, смеясь, шмякнуть тянущегося вверх не по дням, а по часам сына мокрым полотенцем.

Когда же провели в посёлок радио, Василий слушал его если не запоем, то насколько позволяла работа и занятость по дому и хозяйству. И уже открыто стал склоняться отца в сторону новых веяний, на что тот лишь усмехался

в окладистую бороду.

Правда, в колхоз вступил, но скорее не по убеждению, а ради сына, ставшего к тому времени комсоргом. За это вскоре и поплатился: его повесили прямо в его кузнице противники этого самого всего нового. Нового уклада и мышления. Им и при всём старом жилось неплохо.

Тогда-то и поселились в сознании Василия первые нотки сомнения в правильности выбранного пути.

О том, что отец не покончил с собой, гласила сделанная убийцами, но позже непонятным образом исчезнувшая табличка, висевшая на его груди: «Кто следующий?»

А прибывшие дознаватели не церемонились. Объявили Николая Кузьмича самоубийцей и дело закрыли. Из-за этого еле удалось уговорить действовавшего тайно священника хотя бы отпеть почившего.

Уже тогда Вася думал: «Если дело, как кругом говорят, правое, почему у него столько врагов — и врагов жестоких? В конце концов, историю тоже делают люди, а людям свойственно ошибаться...» Но ответа на свой вопрос тогда он не находил.

Не вынеся смерти мужа, заболела и за два месяца угасла мать. Остался Василий на Святки сиротой.

А тут весна, май, Маняша и любовь. Обожгла та весна вместе с маем и юностью их обоих жгучим жаром и луговым разнотравьем. И так им было хорошо вместе, что не всегда и о голодном желудке вспоминалось.

После смерти матери Зорьку пришлось прирезать — Вася был единственным сыном. Если обиходить скотинку, то парень ещё мог, а вот доить её стало некому. Зорька была корова норовистая — не каждого к себе подпускала. А тут ещё и запрет на личное хозяйство для руководителей любого ранга, дабы не сметь уподобляться кулакам.

И вновь нестыковка: почему тем, кто вёл людские массы за собой, не полагалось иметь свою живность? Они что, нелюди или питаются святым духом? Так ведь и дух святой тоже попал в опалу! Ради этого рушились церкви, ло-

малось людское сознание, освобождая, видимо, место для вбивания новых идеалов.

Это было ещё одним из того, что так тревожило Василия, сути чего он так никогда и не узнал. Не узнал, что уже к началу 30-х с изгнанием из Политбюро последней оппозиционной группы, началась эпоха диктатуры Иосифа Сталина. Больше никто не мешал новоявленному вождю править. Потому и начались в стране зачистки, практически принудительная коллективизация, доносы и пытки.

На пути к цели все способы хороши. А желающих приблизиться к сытной кормушке нашлось немало. Большинство же из тех, кто мог рассказать о ходе настоящей партийной борьбы, этих зачисток просто не пережили...

Не узнал никогда Василий и того, как вышло, что власть оказалась не в руках талантливого экономиста, знавшего четыре языка, архитектора НЭПа Николая Бухарина, чьими работами позже успешно вдохновились авторы новой китайской экономики? Почему им не стал организатор победы в Гражданской войне и лидер народных масс Лев Троцкий?

Историки вряд ли когда-либо смогут до конца реконструировать истинный путь прихода Сталина к власти. Почти не осталось источников, из которых можно было бы понять, что привело даже не окончившего семинарии юношу с задворок империи к вершине власти? Но один довод будет точным: бога уничтожили, чтобы люди навсегда забыли заповедь: «Не сотвори себе кумира». И как известно, это сработало...

Часть четвёртая

...Новая должность на какое-то время отодвинула Василия противоречивые мысли. Она же их и вернула. Если актив комсомола наезжал в посёлок сам, то теперь уже и Василий

стал чаще бывать в городе, принимая участие в мероприятиях различного масштаба. Свёл дружбу с представителями райкомов и горкомов. Они ему и дали рекомендацию в члены КПСС. Как молодому, перспективному руководителю, который имеет, а зачастую и прямо выражает своё мнение.

Но точку в сомнениях и думах поставил, видимо, всё-таки случай. На волне бесчинств с отбором посевного зерна, Василий как-то покатыл в соседний район посоветоваться с местным руководством. Слово по слову, намекнули, чтобы сильно не напирал, дескать, там, наверху, лучше знают, что и как. А потом предложили поехать на недавно отстроенную крупорушку.

Вернувшись к своей повозке, Вася увидел, что вся она до бортиков, насколько возможно, была заполнена так называемой дертью — пусть и отходом от переработки зерновых, но в то же время это был корм, в хозяйстве бесценный. Особенно сейчас, в трудное, голодное и для скотины, время.

Разбираться было некогда — скоро стемнеет, да и разошлись уже все из райкома. И Вася изо всех сил погнал Мушку домой, то и дело охаживая и без того тощие её бока плёткой. В голове шумело: «Взятка!?! Я вор?.. Или пособник?.. Почему они все думают одно, говорят другое, а делают третье?»

В открытые, к счастью, ворота двора он так и влетел ураганом, на взмыленной Мушке.

— Что случилось? — не на шутку испугавшись вида мужа, Мария замерла на пороге.

— Представляешь, родная, я теперь — вор, твой муж — вор и взяточник! Но ничего, я завтра разберусь со всеми! Я поеду прямо в обком партии!..

Таким Васю Манечка ещё не видела, молча собрала на стол нехитрый ужин и постаралась побыстрее уложить его спать. Если это был, конечно, сон...

Никто так и не узнал, сам ли Василий, случайно ли, повторил судьбу отца, или помог кто, дожидаясь его тем утром на чердаке собственного дома?..

Часть пятая

...Юрочка жалел мать, рос послушным ребёнком. Помогал ей всем, чем мог, несмотря на слабое от постоянного недоедания здоровье. Маялся от бессилия что-либо изменить, поскольку хоть и был маленьким, но не по годам смышлёным.

Тем комбикормом, обнаруженным в двуколке по странному совпадению приехавшим очень быстро следователем, воспользовался кто-то другой. Да и кормить давно было некого. Две старых несущки зарубили на поминки самого Василия.

Но не успели, как говорится, отцвести цветочки, как посыпались ягодки. Началась настоящая маята. Откуда-то раскопали старые отцовские бухгалтерские отчёты, и объявили его растратчиком. За растрату конфисковали дом и всё, что представляло хоть малую ценность.

А вскоре Марии пришло и уведомление о том, что в трёхдневный срок она обязана собраться для переселения на Дальний Восток. Без объяснения причин. Так они с Юрочкой оказались на такой же великой, как и Волга, реке Амур, в городе Благовещенске.

Маялись со всем: с жильём, снимая углы по добрым людям да по ночлежным домам. Пока матери не удалось устроиться на работу в торговые ряды с экзотическим названием «Мавритания». Жить стало полегче. Удалось снять комнатку в доме одинокой старушки — в прошлом преподавателя танцев в пансионе благородных девиц — Анны Гавриловны — женщины интеллигентной, одинокой и сердобольной. Почти всё, заработанное мамой, шло на питание всем троим — Анна Гавриловна на оплату не претендовала. Так и жили. Вроде как бы даже и подумывали, что отмаялись.

Ан нет! В этих местах всегда было беспокойно. Из-за постоянной японской угрозы СССР и Китаю то и дело

вспыхивали вооружённые конфликты. А территория Монголии была своеобразным плацдармом военных действий.

...Хасан, Халхин-Гол, Маньчжурия... Отдельный пласт истории. Только урегулировали здесь, как поползла коричневая чума с Запада. А значит — и вновь маята.

Маялись в эвакуации на Сахалине. С другим жильём и с работой. Анна Гавриловна ехать отказалась, решив доживать век в своём угле, что бы ни случилось. Да и семья подросла: у Юры к тому времени появился отчим и маленькая сестрёнка Томочка.

После войны долго добирались на Украину — в родные места отчима. И снова маялись. Сначала — с жильём, потом — с работой. Радовало одно: хлеба хотя бы уже было вдосталь...

А потом снова весна, снова май, и... правильно — снова любовь... Но это уже была совсем другая история...

P. S.

Моему отцу, ТУШНОВУ Юрию Васильевичу, родившемуся 11 мая, наряду с другими майскими датами сделав эту самой знаковой и навсегда оставившему в моей душе самые тёплые воспоминания, ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В один Белтейн¹

Ксения Каракашьян @karksusha

Я бежал сквозь лес, надеясь, что меня не хватятся как минимум до завтра. Проклятые римляне уже четыре дня до Майского Календа² не стоят на ногах, празднуя Флоралии³. Опустошают запасы вина, совокупляются со своими жрицами любви. И то и другое заранее привезённое на берега нашей славной земли. Обливаются водой, дерутся на потеху разгорячённой толпе, плебсу. Завтра выйти на бой должен был я, но у меня другая задача — предупредить свой народ о захватчиках. За время скитаний и плена я кое-что выяснил про них. Жестокие и безнравственные. Не мы придумали гладиаторские бои! А это нас они называют «варвары» и «петухи»! Всех без разбора — и галлов, и фракийцев, и германцев.

Конечно, им есть за что нас бояться! Несколько зим назад я со своими братьями ехал по мирным, торговым делам, а эти скоты напали, отобрали всё, превратив в рабов тех, кого не убили. Меня, как сына вождя, хотели обменять на достойный выкуп, но потом забыли об этом, решив, что, как гладиатор, я стою больше. А теперь вспомнили, что я родом из этих земель и хотели, чтобы я проводил их войска. И этим отсрочили мой бой. Ну уж нет, я не буду предателем своего народа! Я предупрежу

¹ Белтэйн (также Белтайн, Бельтайн, Белтане, Бялтане, др.-ирл. Beltaine, ирл. Bealtaine, гэльск. Bealltainn, англ. Beltane) — кельтский праздник начала лета, традиционно отмечается 1 мая.

² за 4 дня до 1 мая

³ в Древнем Риме праздник римской богини цветов, расцвета и весны Флоры. Разнужданно праздновался 6 дней с 28 апреля по 3 мая.

общину, мы объединимся с нашими братьями и выгоним захватчиков! Да, наконец пришло время мщения. Пусть Беленос покарает врагов! Наши боги покажут им! Жёсткие калиги¹ натирали ступни. Это не мягкие гилли² из кроличьей кожи. Но плевать — только бы поскорее оказаться в своей деревне, предупредить об опасности.

Воспользовавшись моментом, я сбежал. Пусть эти несчастные римляне давятся своим недозрелым вином и хвалебными песнями над чахлыми колосками для глупой богини Майи³.

Этот лес известен мне с рождения. Поскорее бы уже родной дом. Самое важное — пересечь открытые пространства лугов. Весенний воздух щекочет ноздри, узнаваемо пьянит первоцветами. В этом году весна холодная и поздняя. Наверняка, боги благоволят нам! Долго не давали сойти снегу, чтобы римляне не прошли раньше. За лесными ароматами вспыхивают воспоминания, как угольки потухшего костра: вот мой первый Белтайн, который помню. Пламя заставляет отшатнуться, но мама, смеясь, берёт за руки, и я взываю над костром. А вот мы с возлюбленной Арлетой идём в лес за цветами для весеннего куста, её губы тоже похожи на лепестки распускающихся розовых яблонь. Тёплые и душистые под покровом ночи. В поцелуях нас окрыляли птички Аэнгуса⁴.

Конечно, после этого нам понадобилось благословение друида и моего отца Теуторикса, короля племени.

¹ римские военные сандалии

² кельтская обувь, говорили, что она даже лучше римской

³ 1 мая римляне приносили жертвы богине Майе — покровительнице плодоносной земли.

⁴ Аонгус (Аэнгус, Оэнгус), в ирландской мифологии прекрасный бог любви, сын отца богов и покровителя друидов Дагда и богини воды Бонд. Над головой красавца Аонгуса всегда порхали четыре птички, символы поцелуев

Это было 5 консулов¹ назад. От воспоминаний или от быстрого бега заслезились глаза. Жива и здорова ли моя любовь? А остальные родные? Как же я скучал в плену всё это время! Главное — успеть, пока стадо не отправили на дальнее пастбище. Нужно, чтобы всё племя было в сборе. Все силы пригодятся! Праздник Белтейн уже близко — верба давно расцвела, а яблоневые деревья стоят наготове. Вскоре я услышал традиционный праздничный горн. Как не вовремя! В ветреную погоду этот звук может донестись до противника очень быстро. И в идеале напугать врага. Но только не сейчас. Римлян тысячи, и скоро прибудет ещё подкрепление. Поэтому надо собрать все племена, объединить вождей. Если они сейчас живут мирно.

Я остановился лишь на мгновение — выпить воды из ручья, который совсем рядом с поселением. Освежающий родной вкус придал сил, чтобы сделать последний рывок.

Вот уже за деревьями на большой поляне показались отсветы пламени. Два огромных костра, между которыми надо пройти для очищения. На поляне собираются жители. Родных пока не наблюдаю. Скот ещё не угнали — его погонят только после обряда очищения, скоро приведут.

Прячусь за деревьями и пытаюсь отдышаться. Теперь надо подходить аккуратно, а то подстрелят свои же. Вижу смутно знакомые лица — малолетние дети выросли в сильных мужчин, да и я изменился. Не узнают. Римская одежда некстати. Нож, который помог мне выйти из клетки сегодняшним вечером, кладу под дерево.

Выхожу сразу на середину поляны, поближе к костру и вбитому в землю весеннему столбу, обвитому цветами. Вытянутые руки перед собой — понятный на всех языках

¹ каждый год в древнем Риме вступали в должность консулы, летоисчисление по консулам. То есть 5 лет назад.

жест, означающий, что человек не вооружён. Двое мужчин сразу подходят ко мне, оружие готово прижаться к моей шее.

— Кто ты, чужеземец? — спрашивает один.

— Уиснеч¹, сын вашего вождя, — голос не слушается меня, язык отвык от родных слов. Да и волнуюсь, каждое мгновение на вес золота. Хотя сыну правителя надо держать лицо.

— Он пять зим назад ушёл отдыхать на Равнину Блаженства. Говори, кто ты! А не то...

— Уиснеч, — твёрдо повторяю я, оглядывая вчерашних подростков грозным взглядом, — я помню тебя, Бойд, как ты ещё бегал без штанов на заднем дворе своего отца Вейлина. Жив ли он ныне?

— Неужто ты выиграл у Беленуса в гвидбуйл²? Или это сам Беленус в канун Белтейна к нам пожаловал? — упал на колени один из охранников ритуальных костров. Остальные присмотрелись и опустили оружие.

— Если больше нет моего отца Теуторикса³, веди к главному! Это срочно!

— Да, следуй за нами.

Дверь моего дома покосилась. Время не щадит даже постройки вождей.

Если отца нет, кто занял трон и кто поверит мне?

Вдруг возлюбленная Арлета⁴ уже замужем за другим.

Один из воинов три раза громко постучал в дверь, украшенную весенними цветами, и зашёл внутрь, низко поклонившись. Лицо женщины, сидящей на резном троне с орнаментом — троне моего отца — скрывал су-

¹ Уиснеч — кельтское имя, чистокровный наследник

² по легендам, умерший человек играл с богом Беленусом в игру, похожую на шахматы. И от результата зависело, куда попадёт душа.

³ Теуторикс — кельтское имя, король племени

⁴ Арлета — кельтское имя, обещание

мрак. Другой воин с факелом подошёл ближе, и я поразился:

— Арлета! Ты теперь правительница нашего племени? Это Уиснеч, твой муж перед богами и людьми. Узнаёшь меня? — я поклонился подобающе её статусу, на расстоянии, хотя так хотелось обнять.

Арлета застыла вполоборота, словно статуя, которые в Риме делают из камня. Она не встала, но протянула руку:

— Ты лжёшь, мой муж умер! Человек из его дружины, оставшийся в живых, своими глазами видел, как Уиснеча не стало в одном из боёв на потеху публике! Но он умер с оружием в руках! Мы молились всем богам за его душу, — её голос дрожал. — Но если ты лепрекон или другое божество, оставайся праздновать с нами сегодняшний праздник солнца, а завтра покинь наши края!

Я подошёл ближе.

— Встань, и увидишь, что это я, твой муж. Если у тебя не появился другой. Да, я действительно был сильно ранен на арене, но выжил — хвала вашим молитвам и нашим богам!

Я взял дрожащую руку Арлеты. Свет факела, который держал один из воинов, отразился в мокрой дорожке на щеке любимой. Не удержавшись, я схватил её на руки и закружил по небольшой комнате. Арлета счастливо засмеялась, всё ещё не веря. К нам, потирая кулачками глаза, вышел заспанный ребёнок:

— Мама, кто этот чужестранец, что держит тебя на руках?

Меня словно окатили ледяной водой, как невинных дев для счастливого замужества. Я поставил Арлету на земляной пол. Она потупила глаза:

— Узнала после твоего отъезда. Думала, что порадую тебя, когда ты вернёшься. Но тебя не было, а потом пришла весть о гибели. Это твой сын Кевен¹.

Всё было необычным и радостным, но нельзя было медлить — враг рядом.

— Прикажи вести скот на дальние пастбища, а не к югу, как обычно. Собирай всё племя — мы отправляемся за подмогой. Немедленно! Пусть римляне останутся ни с чем, когда придут на наши земли. Мы нападём на них, как только к нам примкнут соседские племена.

— Но как же праздник? Надо совершить обряд. Сейчас гневить богов некстати. Великий друид не одобрит твой план!

— Луноглазая Арлета, я по праву рождения должен править нашим народом. Давай же вместе сделаем всё, что нужно для спасения! Дорого каждое мгновение! Гасим костры, чтобы враг не учуял дым и не пришёл быстрее, чем соберём подмогу. Не дуем в рога. Поверь, я знаю этих воинов. И напрямую мы их не одолеем. Исключительно в лесах. С помощью соседей наших и братьев.

— Только не это! Через год после твоего исчезновения я стала правительницей по несчастной случайности. Казалось, соседи пришли с миром, но во время застолья убили твоего отца. Поэтому я запретила кому бы то ни было идти к ним. В том числе к родным и для торговли...

— Но это единственное правильное решение. Даже несмотря на смерть отца!

Арлета взглянула на меня исподлобья и прошептала:

— Ты стал таким же, как и те римляне, с которыми общался. Наши боги не простят нам... Но ты мой муж, и я доверяюсь тебе. Да и легенды правы — в Белтейн всегда происходят изменения. Великий друид говорил, что в эту пору придёт родной почивший чужестранец, и мир перевернётся. Я ещё думала и смеялась, как это может быть. А вот к хорошему, или к плохому эти перемены — не нам судить. Только боги решат нашу судьбу и судьбу всех наших племён. Не зря ты пришёл в этот день. Я бы сделала по-иному. Но на всё воля богов, а ты мой муж, и если вы-

¹ Кевен — красивый ребёнок

жил ты — выживет и весь наш род. Веди! Я велю тушить костры!

PS: Римские легионеры через продолжительное время сопротивления захватили кельтские племена. Кельты ассимилировались. А вот традиция праздновать Майское дерево осталась. Никакие римляне и даже потом христиане с Пасхой не смогли истребить эту привычку. Поэтому до сих пор, особенно в дальних уголках Ирландии и Шотландии, на 1 мая празднуют Белтейн.

Поколение

Екатерина Суханова @7ekaterinas7

Родившимся в 1920—1930гг. посвящается

*Я не знаю, в каком городе, за окном,
Проходила молодость деда.
«Мир, труд, май — в каждый дом!»
Призывала большая газета.*

*Где на площадь врывалась толпа людей
Из пространства трамвая —
Туда, где было много речей
Для первого мая.*

*Я не знаю, в каком городе, за окном,
Был тот дом, где всегда обещали,
Что счастье будет потом —
А пока есть Первое мая.*

*Жизни хватит как раз на всё:
Быть без паспорта на деревне,
Идти в жизнь с самых низов,
Стать стахановцем непременно.*

*Считать долгие трудовдни в селе,
Ездить в город на открытой машине,
Не учиться в школе пока в стране
Нужны хлеб, масло, свинина.*

*Я смотрю на руки людей,
Кому много всегда обещали,
И не нужно мне громких речей
За их молодость Первого мая.*

Хедвика. Начало

Анастасия Данилова @an_astasiia1387

Хедвика спешила на ярмарку. Девочка слышала разговор родителей накануне: на ярмарке будут кукольники. Год прошёл, как она впервые увидела театр и влюбилась на всю жизнь.

— Ну, скорее, Сюзи, — поторапливала Хедвика сестрёнку. — Скорее. Или всё пропустим.

Девочка топнула и вышла на улицу. Тёплые лучи приветливо легли на щёки и пробежались по рукам, но Хедвика не обратила на них внимания. Ветерок нежно коснулся волос. Рука дёрнулась поправить причёску. Девочка быстрым шагом направилась к карете и спряталась в ней. Сейчас раздражало всё.

— Всё в порядке? — рядом устроилась мать.

— Мы опоздаем на представление, — буркнула Хедвика.

— Не волнуйся, милая. Всё будет вовремя.

Девочка лишь хмыкнула и уставилась в окно. Она никак не отреагировала на появление отца и сестёр. Лишь немного подвинулась, чтобы старшая дочь барона Млинара уселась рядом в своём нарядном платье.

— Подвинься, — прошипела Павлина.

— Вот ещё, — фыркнула Хедвика. — А станешь толкаться, нарочно упаду на тебя на каком-нибудь повороте.

Карета тронулась, и мысли Хедвики устремились на ярмарку.

Каждый год в мае из разных стран приезжали купцы. Бродячие артисты устраивали представления. Жонглёры, глотатели шпаг. Силач, понимающий стопудовые гири. Заклинатель огня в высокой цветастой чалме. И акробаты.

Хедвика восхищалась их смелостью подниматься на такую высоту и ходить по канату. Без страховки! В толпе поговаривали, что были несчастные случаи и кто-нибудь да падал на помост или землю. Но Хедвике везло — ничего страшного не происходило, отчего она с каждым годом больше и больше загоралась желанием стать одной из акробатов. Даже репетировала дома, пока отец не узнал и не устроил взбучку. Неделю девочка ходила хмурой, но потом взялась за старое. Только не просила натягивать канат над лужайкой, а ходила по выложенной змейкой нити на полу.

А потом приехал кукольный театр. Хедвика посмотрела все представления. Каждый день — новые сказки! И каждый вечер уговоры отца свозить на ярмарку. Весь месяц девочка стояла у сцены в первых рядах и замороженно следила за движениями кукол. Она пробовала пробраться за кулисы, но какой-то бугай прогнал её. А на заявление что она дочь барона только рассмеялся. От переизбытка чувств Хедвика топнула и сжала кулачки. «Ничего. Мы ещё поглядим кто кого!»

В тот раз так и не удалось пробраться, но сегодня удача на её стороне. Сегодня особенный день. Не знала почему, но уверенность возрастала с каждой минутой, с каждым оборотом колёс.

— В этом году ярмарка грандиозная, — голос матери пробрался в мысли Хедвики.

— Ничего себе, — прошептала она. — Как же я найду их?

— Так тебе и надо, — злорадно сказала Павлина и поспешила выбраться из кареты.

Семью барона Млинара ожидали на сцене, чтобы они торжественно объявили о начале ярмарочного месяца.

Хедвика стояла рядом с отцом и не слышала о чём тот говорит. Смотрела на толпу, не видя знакомых лиц и улыбок. Только волнение ощущалось сильнее всего. Её и толпы. Одним не терпелось начать торговлю, другим — покупать.

— Без долгих разговоров, — сильный голос отца провал пелену отчаянья дочери, — прошу считать ярмарку открытой.

Восторженный рёв пролетел над округой, сорвав стайки птиц с деревьев.

Мать с сёстрами отправились смотреть привезённые товары, а Хедвика осталась с отцом. К ним подходили горожане, здоровались, желали хороших покупок, удивлялись, как выросла девочка и говорили, и говорили. Хедвика улыбалась по привычке, хотя очень хотела заплакать или топнуть ногой, или сделать гадость. Но она сдерживала себя. «Благородное семейство барона Млинара так себя не ведёт... Не выставляй нас посмешищем... Ты себя со стороны видела? Кошмар!» Последнее нравоучение, конечно же, Павлины. И обязательно растягивая гласные.

— Гадость, — прошипела Хедвика.

— Простите, юная барышня, вам не понравился напиток?

Девочка вздрогнула и едва не пролила на платье жидкость из кубка.

«Как он оказался у меня?»

— Простите, я не вам, — Хедвика пригубила напиток и удивлённо посмотрела на собеседника. — Он божественный. Что это?

— Лимонад, — седовласый мужчина улыбнулся и поклонился. — Позвольте долить?

— Конечно, — Хедвика быстро выпила остатки и протянула кубок.

— Выше всяких похвал, метр Бёрн, — сказал барон. — Доставьте нам пару-тройку бочонков.

— Всенепременно, ваша милость, — бакалейщик поклонился и поспешил выполнить поручение.

С каждым глотком настроение девочки улучшалось. Она успела присмотреть диковинную лавочку и уже собиралась спуститься с помоста, как её ноги аккуратно коснулись. Хедвика обернулась и в неширокой щели занавеси

увидела улыбающуюся физиономию.

— Янош, — воскликнула Хедвика, — нашёл?

Мальчик кивнул в противоположную сторону.

Быстро спустившись, Хедвика ухватила за протянутую руку, и они побежали.

— Кукольники с другой стороны ярмарки, — сказал Янош, ловко огибая снующих туда-сюда людей. — Сейчас выберемся из толпы. Сдадим левее и станет легче.

Хедвика лишь кивала и старалась не выпускать руки друга. Иногда детям приходилось вжиматься в палатку, чтобы пропустить прохожих или коней. В редких случаях Хедвика шипела, когда прохожий наступал на ногу. В такие моменты девочка жалела, что на ногах лёгкие туфельки, а не те, что носят обычные дети.

— Янош, подожди, — прошептала Хедвика, пытаясь отдышаться, когда им удалось выбраться из толчеи и перейти на бег.

— Хорошо. Но надо поспешить. Я слышал, что в этот раз кукольники пробудут здесь один день.

— Как один? Что же ты раньше не сказал? Бежим!

Они не успели.

— Почему?! — Хедвика топнула ногой, глядя вслед уезжающей повозки. — Вернитесь! Так нечестно! — слёзы бежали по покрасневшимся щекам. Кулаки сжимались и разжимались в бессилье. — Вернитесь.

Вдалеке, словно отвечая Хедвике, громыхнуло.

— Ничего себе, — пробормотал Янош. — Смотри.

Некогда лазурный горизонт заволокло чернильными тучами. Среди грозных клубов пробежала молния. Следом за ней вторая и третья. Недолгое затишье, и невыносимые раскаты грома упали на землю. Люди начали спешно собираться. Минута-другая и дети остались одни среди ярмарочных шатров. Порывы ветра по-хозяйски сновали повсюду.

— Надо идти, — Янош дёрнул подругу за руку, но та не обратила внимания. — Хедвика?

Девочка заворожённо следила за бешеным танцем молний и не вздрагивала от громовых раскатов. Через мгновение нахмурилась и двинулась вперёд.

— Ты куда? — Яношу не удалось удержать Хедвику: порывы ветра как специально толкали в грудь, мешали двигаться следом. С очередной вспышкой пропали тучи, ветер и Хедвика.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — Хедвика оказалась в пещере.

Факелов не наблюдалось, но и темно не было. Мягкий свет струился с потолка, а в ногах клубился туман. Складывался в причудливые фигуры. Вызывал улыбку. Хедвика осторожно прикоснулась к дымке. Туман обернулся вокруг запястья и замурлыкал.

— Ты откуда такой? Чей?

— Теперь твой, — рядом неслышно появилась женщина.

Длинный тёмный плащ и накинутый капюшон скрывали фигуру и лицо.

— Он давно ждёт тебя, Хедвика. И наконец дождался. Я рада, что успела встретиться с тобой.

— Я не понимаю, — Хедвика смотрела во все глаза, а туман продолжал клубиться у ног.

— Понимаю тебя, деточка. Тебе предстоит многому научиться. Обязательно отправься в Школу. Скоро к вам придёт Учитель. Не бойся. Следуй за ним без раздумий. А мы с Туманом подождём тебя здесь, — фигура подошла вплотную и поцеловала Хедвику в лоб.

Тепло разлилось внутри. Отчего Хедвика зажмурилась, а когда открыла глаза, оказалась на ярмарке у палатки с диковинами.

— Милая, ты что-нибудь присмотрела? — поинтересовалась торговка.

— Ещё не решила, — пробормотала ошеломлённая Хедвика. Взгляд перебегал от одной вещицы к другой. — Может, эта, — она нерешительно протянула руку к сереб-

ряной подвеске, но тут же передумала и взяла кольцо. — Какое тёплое и красивое.

Хедвика с минуту рассматривала тонкий с ажурной вязью ободок. На миг ей показалось, что по кольцу пробежали красные искорки.

— Живинка, — пробормотала девочка, крепко сжав ладонь. — Я возьму его и вот эту цепочку.

— Отличный выбор, — торговка улыбнулась. — Береги его, как зеницу ока, Хедвика, — обронила она на прощание и подмигнула.

Майское солнце

Юлия Диданова @didanova_yuliya

Майское солнце отдавало июньским жаром. Прохожие шурились, прячась в тени густых клёнов. Маленькому Илюше казалось, что даже воздух какой-то праздничный.

— Эй, макушонок, ты что загрустил?

Отец ласково потрепал русский сыновий чуб. Смуглое лицо озарила белоснежная улыбка. Лучики морщин собрались вокруг карих глаз.

— Пойдём-ка, найдём маму.

Отец взял Илюшу за ручонку, которая потерялась в шершавой, обветренной отцовской ладони.

Как много людей! Мужчины и женщины, молодёжь и старики, подростки и дети. Кто с шариками, кто с цветами. Какая-то девчушка с белыми капроновыми бантами помахала Илье рукой. Он ответил улыбкой.

Вдруг земля ушла из-под ног. Это отец подхватил его и усадил к себе на плечи.

— Ух ты! Папа, я выше всех! И, кажется, я увидел маму! Мамаааааа, мааааааа! Мы тут, мааааа!

Зажмурившись от полуденного солнца, обладательница волос цвета топлёного молока махнула им. Длинный белоснежный сарафан облегал стройное тело. В руках у женщины был огромный «моток» сладкой ваты.

Соскочив с отцовских плеч, Илья с радостными визгами бросился в объятия матери:

— Малыш, осторожно, я уроню лакомство.

Голубые глаза светились от счастья. Чмокнув русую макушку, мама взяла Илью за руку и они направились на звуки музыки.

День города праздновали в любую погоду. Организаторов не останавливал ни дождь, ни палящее солнце.

Приглашённые артисты пели популярные хиты. Музыканты играли на бис. Взрослые танцевали, дети лакомились мороженым. Атмосфера безмятежного счастья оставляла яркие следы в глубинах детской памяти.

Вот папа обнимает маму, и они кружатся в ритме майского вальса. Отец что-то шепчет на ухо, и мать заливается звонким смехом. Заметив сына, она распахивает объятия и Илья прижимается к ней всей своей детской душой. Вдыхая аромат ванили, которым мама всегда так вкусно пахнет, мальчишка произносит:

— Мам, а можно я куплю ещё мороженое?

— Молодой человек, вам не кажется, что на сегодня хватит? Горло болеть будет. — она говорит строго, но улыбается.

— Ну, мааааам, последнее. Честно-честно.

Мольба в глазах сына способна растопить арктический лёд, а материнское сердце и подавно.

— Держи, но только это последнее.

Весело подпевая выступающим артистам, Илюша вприпрыжку отправился к ближайшему ларьку.

Возле холодильников толпились дети, наперебой тыча деньги замученной тётеньке в жуткой зелёной кофте.

Дождавшись своей очереди, Илюша протянул пятак и с серьёзным видом изрёк:

— Устали, наверное, от этой мелюзги? Совершенно невоспитанные дети.

Удивлённо приподняв тонкую бровь, продавщица ответила:

— Ну да, с такими воспитанными юношами общаться куда приятней.

Илье показалось, что она сдерживает смех. Сам он был уверен в том, что производит впечатление серьёзного человека.

Отец научил его считать. Илюха всегда демонстратив-

но и с гордостью проверял сдачу, чем повергал в шок всех представителей торговли. Ведь на свои семь он не выглядел: тонкая кость, доставшаяся в наследство от мамы, и невысокий рост делали своё дело.

— Тебя как звать-то?

— Илья. Я тут с папой и мамой. Вон они. — Илья указал рукой на родителей.

Они помахали в ответ.

— Но больше я вам ничего не скажу.

Тётка усмехнулась, что, видимо, означало «больно ты мне нужен».

— Погоди, сейчас три рубля дам.

Засмотревшись на воробьёв, которые делили хлебные крошки, мальчик стоял в ожидании сдачи.

Визг тормозов фальцетом ворвался в майскую безмятежность. Глухой удар. Чей-то истошный крик. Толпа загудела.

Потрявоженные птицы взмыли в небо. Музыка смолкла.

Илья обернулся, судорожно разыскивая глазами знакомые силуэты. Впереди мелькнула зелёная кофта.

— Мне надо к маме! Отпустите меня! Мама! Папа! Помогите!

Тётка крепко держала его за руку, в её глазах застыл ужас...

Слёзы текли, смешиваясь со струями тёплой воды. Тощая фигурка содрогалась от рыданий. Тоненькие ручки крепко обнимали острые коленки.

Боль шла откуда-то изнутри, разрывая сердце, когтями скребла горло, иголками блуждала по коже, сжигая лёгкие, не давала дышать.

Больше всего на свете он хотел оказаться в материнских объятиях. Но мамы не было. Эта мысль сводила с ума, ломая психику, как плитку шоколада. Отцовская спина

не защищала от побоев местной шпаны». Его тоже нет. Чёрная дыра одиночества заполнила душу. Серые будни детдомовского настоящего оставляли шрамы на воспоминаниях о счастливом прошлом.

2,5 промилле алкоголя в крови сломали судьбы восьми людей. Виновника посадили, но разве это что-то меняло?

— Эй, макушонок! Посмотри на меня.

Неясное очертание в сумеречном свете. Отец!

— Не смей сдаваться! Ты слышишь? Не смей! Борись! Вспомни чему я тебя учил! Сила живёт внутри каждого из нас. Она не в кулаках и не в мышцах. Она вот тут. — Шершавая ладонь прикоснулась к груди.

Кулак, сжимавший сердце, ослаб. Тепло разлилось по телу. Запахло ванилью.

— Ты — тот, кто изменит этот мир. Мы любим тебя!

Хлопнула дверь. Сон, это был сон.

— Эй, малахольный! Ну что? Ты подумал? Мне нужны твои часы!

Илья так крепко сжал кулаки, что ногти впились в ладони, оставляя синие вмятины на нежной коже. Грудь вздымалась, сдерживаемая ярость с шумом вырывалась сквозь ноздри.

— Да, я подумал. Это отцовские часы. Попробуй отобрать!

Мальчик потрепал свой чуб точно так, как это делал отец. В голубых глазах не было страха...

Белтейн или житие святой Вальбурги

Надежда Бурковская @nadezhdasandrolini

Монастырь горел. Пламя уже перекинулось на жилые помещения, казалось, спасения не найти. Я помню крики сестёр, истошное мычание коров и благодный запах ладана.

— Бегите к западной стене. Вальбурга, ты знаешь, что делать, — аббатиса взмахнула руками, и огонь отступил.

— Я не брошу тебя, — жар быстро осушает слёзы беспомощности на моих щеках, но они катятся вновь.

— Помни о долге, Вальбурга, и не печалься обо мне. Скоро мы встретимся. Телесная оболочка — ничто, наши души бессмертны.

Я знаю, что она лжёт, но киваю в ответ. Мы с сёстрами бежим к секретному ходу. Я обернулась лишь раз, чтобы увидеть, как статную фигуру в белом охватили ненасытные языки пожара.

26 лет назад (721 год, графство Дорсет, Англия)

— Будь сильной, дочь моя, слёзы не к лицу принцессе. Нам пора в путь, эти святые стены станут тебе защитой, — Ричард Саксонский сжал плечо дочери — скупая ласка фанатичного католика, и легонько подтолкнул её к воротам Уимборнского монастыря.

Вальбурга бросила прощальный взгляд на старших братьев, поклонилась отцу и сделала первый шаг навстречу новой жизни. Она ещё не знала, что через полгода её сиротство станет полным. Король Западной Саксонии

Ричард умрёт по дороге к мощам святых апостолов Рима. А мать девочка не помнила, та покинула грешную землю сразу после её рождения.

— Можешь плакать, если хочется, ах, какие зелёные глазки, редкий оттенок, — раздался мелодичный голос. — Нам вредно держать эмоции в себе, от этого погода портится.

Аббатиса монастыря с улыбкой поманила девочку за собой.

— Кому «нам»? — спросила Вальбурга, послушно шагая следом. Ноги утопали в ароматной траве, в воздухе пахло цветами и мёдом.

— Какое редкостное умение слышать главное, — неподдельное восхищение в голосе матери-настоятельницы расслабило напряжённые плечи Вальбурги, она не привыкла к похвалам. Прославившийся своей строгостью на всю округу монастырь уже не казался таким страшным. И это лишь первое открытие.

Через пару лет никто бы не узнал заморённую частыми постами девочку в румяной статной послушнице. Днём монашки прятали пышные волосы под серыми платками, а ночью, когда за паломниками и страждущими закрывались высокие ворота, расплетали длинные косы, снимали мрачные одеяния и монастырь превращался в то, чем был на самом деле — секретное пристанище друидов.

Уже в первый год Вальбурга поняла, что монастырское учение отличается от отцовского. Никаких полуночных молебнов, строгих постов, заунывного чтения Библии. Уроки проходили легко и весело, кормили в столовой вкусно и разнообразно, даже ненавистная латынь усваивалась без лишнего стресса.

Аббатиса Элеонор учила разбираться в травах, готовить целебные капли и мази, ухаживать за садом и слышать всё живое. Когда Вальбурга немного освоилась, у них состоялся серьёзный и откровенный разговор.

— В твоих жилах течёт кельтская кровь, дитя моё, я чувствую в тебе силу. Последние семь веков христианство уверенно захватывает мир. Нам не выстоять. Можно делать вид, что ничего не происходит и погибнуть, а именно эта участь ждёт наших северных братьев пиктов. А можно проникнуть в самое сердце единобожной заразы, притвориться её частью, сохранить сокровенные знания и погасить костры будущего.

— О чём вы, матушка? — прошептала Вальбурга, мысленно удивляясь, что слова аббатисы не вызывают и тени протеста, как будто она знала это всегда.

— Смотри.

Элеонор сложила руки в молитвенном жесте, а потом протянула раскрытые ладони к замершей девочке. Одно видение сменяло другое между тонкими пальцами: в тёмных подвалах зверски пытали женщин, раскалёнными щипцами вырывая признание в колдовстве; на центральных площадях заживо сжигали девушек, виновных лишь в красоте; акушеров и знахарок бросали в реки, выплывешь — ведьма, утонешь — отпоём; древние книги и прекрасные картины объявляли ересью, неудобной богу; любого могли заporоть до смерти по любому навету; кардиналы Ватикана не боялись испачкать пурпурные одеяния кровью невинных жертв, наслаждаясь властью.

— Хватит! — крикнула Вальбурга, дрожа всем телом.

— Они назовут себя святой инквизицией и будут править несколько веков. Мы не остановим это мракобесие, но сможем приуменьшить зло.

— Я готова, Элеонор, научи меня как.

— Для этого боги и привели тебя сюда, но хватит о грустном. Сегодня Белтейн — время веселиться и встречать лето.

Эту ночь на 1 мая Вальбурга запомнила навсегда. Бог Солнца и плодородия Белинос и богиня флоры Майя в очередной раз сочетались священным браком. Мужское и женское начало — основа всего. Христианство отрицало

и презирало веру предков, поэтому люди тайно собирались подальше от города. Готовили угощение, разжигали особые костры. Ива — исполнение желаний, ясень — защита, рябина — исцеление. Вокруг огня водили домашний скот, изгоняя зимние болезни, бросали записки с просьбами, танцевали и молились о плодородии.

Вальбурга видела бесплотных эльфов и души, скользившие между людьми, чувствовала дыхание земли и силу природы в каждой веточке и дуновении ветра. Истинная магия сквозила в воздухе и не поверить в неё невозможно.

— Выбери ленту, Вальбурга, — раскрасневшаяся от танцев Элеонор протянула ворох разноцветной ткани. — Отличное решение, фиолетовый — мудрость. Повесь на куст боярышника, порадуй духов.

Одна весна сменяла другую, у Вальбурги открылся удивительный дар — умение договариваться со всеми четырьмя стихиями. Огонь и вода, земля и воздух — всё ей подвластно, хотя обычно жрица получала благословение лишь одной из них. «Ты выбрана богами для великих дел, девочка моя», — часто повторяла Элеонор.

Уимборнский монастырь славился чудесами, со всех окрестных деревень привозили больных и неполноценных. И бог иногда являл милость, девочки, прозванные деревенскими дурочками, обретали разум и посвящали себя обители. Так думали люди, а реальность, как всегда, отличалась от представлений о ней. После смерти душа друидки сливалась с телом подростка, лечила его, и сестра возвращалась в мир с теми же знаниями и памятью. Главное, чтобы тела в момент смерти оказались рядом. Бесконечный цикл перерождений, естественный как сама жизнь.

Сёстры переодевались в деревенские одежды на Белтейн или Самайн, и никто даже представить не мог, что танцует вокруг майского шеста с монашкой. Сёстры свято хранили тайну, никто не догадывался о двойной жизни монастыря. До той страшной ночи.

Вальбурге исполнилось тридцать шесть, но никто бы ей не дал больше двадцати, и она всё также радовалась празднику. Сёстры разбежались по лугу, кто-то прыгал через костёр, кто-то готовил щи из крапивы, кто-то целовался в тени дуба.

— Потанцуем, милая? — прошептал незнакомый голос. Вальбурга обернулась, молодой рослый парень держал в руках венок из свежих зелёных веток.

— Конечно, — улыbnулась она в ответ.

В стороне от костра в землю вкопали сухую берёзу, украсили цветами и бантами. Молодёжь веселилась вовсю, стараясь опутать друг друга длинными лентами. Ближе к рассвету парочки разбредались по округе, чтобы заняться любовью во имя плодородия земли, а утром расстаться навсегда.

— Мне пора, — Вальбурга поцеловала всё ещё тяжело дышащего мужчину в плечо и отряхнула травинки с измятой юбки.

— Постой, я даже имени твоего не знаю, где ты живёшь? Не уходи, стань моей майской королевой на веки вечные. Меня зовут Вебер.

— Прощай, — шепнула Вальбурга.

Славный мальчик, но её сердце наполнено другими страстями. Детям и браку там места нет.

— Ты приняла мой венок, теперь мы должны быть вместе, — крикнул он, но Вальбурга растворилась в дымке туманного утра. Он не был у неё первым, но стал последним.

Но разве сбежишь от охотника в лесу? Вебер проследил за страстной красавицей и увидел, как она скрылась за высоким монастырским забором. Он мог бы промолчать, но не стал. Возмущение людей лицемерием монашек перехлестнуло через край. Днём они осуждали и проклинали язычников, а ночью танцевали вместе с ними? Даже каменные строения хорошо горят, если знать, где поджечь.

На следующий день мы с сёстрами добрались в порт. Мой дядя Бонифаций уже несколько раз просил Элеонор о помощи в создании монастырей и получал отказ. Но оставаться в Англии опасно. Что ж, пусть будет Германия. Я больше не плачу, теперь старшинство на мне. Я почувствовала смерть Элеонор всей кожей, и это больнее многочисленных ожогов, зудящих на руках. Ритуал перерождения не проведён, её душа свободна от служения и может вечно веселиться с духами леса. Как же я буду скучать. Она была лучшей провидицей и знала свой конец, но не рассказала мне. И теперь я даже не могу спросить почему.

Но её дело будет жить, я смотрю на немногочисленных сестёр и вижу твёрдость в их глазах. Это будет непросто и совсем не быстро, но мы обязательно справимся. Сохраним древние знания, приумножим их и повлияем на ход истории. Порой, чтобы победить врага, достаточно притвориться его другом.

150 лет спустя (871 год, Эйхштетт, Германия).

— Ваше преподобие, смотрите сами, каждый год 1 мая из саркофага с мощами святой Вальбурги течёт целебное масло. Поэтому монастырь так благополучен и слава о нём разнеслась по всему христианскому миру.

Епископ лишь неопределённо кивнул в ответ, столько шума из-за бабы. Лучше бы её братья прославились, так нет. Вальбурга остановила страшный шторм на Ла-Манше силой молитвы, провела ночь у изголовья умирающего ребёнка и тот наутро выздоровел, лечила родильную горячку, основала с сёстрами монастыри по всей Германии, а в последние годы жизни возглавляла не только женскую, но и мужскую обитель.

— Да пребудет с вами Господь, аббатиса, я доложу в Риме о ваших успехах. 1 мая — Вальпургиева ночь, звучит

лучше, чем Белтейн, победим язычников с Божьей помощью. Что у нас на обед? — спросил епископ, стараясь не смотреть в слишком красивые зелёные глаза настоятельницы, так и до греха недалеко.

1139 лет спустя.

Британская комиссия по делам благотворительности 2 октября 2010 года признала поклонение друидов духам природы религией, каждый год она собирает всё больше сторонников.

София: «Кто я?»

Ирина Ломакина @etoirina62

Голос, раздавшийся в телефонной трубке, показался мне издевательским. Меня разыгрывают?

— София Михайловна, мы приглашаем вас на канал «Россия», на телешоу, в прямой эфир. Возможно, нашлась ваша родная семья.

— Нет-нет, я не хочу участвовать. За эти годы столько было надежд... и разочарований. Я не готова пережить это снова, — ответила я.

— Мы сделаем для вас анализ ДНК. Бесплатно, — убеждала девушка-редактор.

Я не поддавалась. Потом трубку взял он. Этот тембр я узнала бы из тысячи. Очень мне ведущий нравился. Сколько себя помню, мечтала с ним познакомиться. Когда была маленькой, даже хотела выйти за него замуж.

— Мы очень надеемся, что вы примете участие, София Михайловна. Тем более, передача приурочена к празднику, — сказал он.

— К какому именно? — спросила я, не понимая, что происходит.

— Двадцать пятое мая — Международный день пропавших детей.

— Я подумаю.

Я повесила трубку. По спине и рукам бегали мурашки, в горле пересохло, ноги подкашивались. Я присела на краешек дивана. «Каких только новых праздников не придумают», — подумала я.

Тогда тоже был праздник. Я слышала, что люди повто-

ряли: «Красная горка... Красная горка». Оглядываясь по сторонам, горки не наблюдала. Ни деревянной, ни металлической, ни серой, ни цветной. Тогда я всё воспринимала буквально. Мне было четыре года.

Теперь я знаю, что Красная горка бывает после Пасхи. Там, где я сейчас живу, в это время всегда холодно. Тогда было тепло. Цвели сады, осыпая людей лепестками. Мы жили в большом селе. В этот день праздновали сразу несколько свадеб. На лугу, расположенном на окраине села, люди водили хороводы, играли в «ручѐк», и взрослые, и подростки.

И костры горели, помню. Ещё помню, как у костра женщина танцевала. Вскидывала руки над головой так, что распущенные волосы взлетали вверх — густые, каштановые. Это было очень красиво. В ушах у неё были серьги в виде больших колец. Тонкие серебряные браслеты на запястьях нежно звенели. Женщина улыбалась. Мне кажется, что это была моя мама.

Женщина, которую я всю жизнь называла мамой, умерла семь лет назад. Сгорела за три месяца от рака желудка. Из цветущей сорокапятилетней женщины превратилась в сухонькую, морщинистую старушку. Кожа пожелтела, сил совсем не осталось, она с трудом доходила до туалета, держась за стенку. Её положили в самую лучшую московскую клинику. Отчим привлѐк всех своих знакомых, но всё было напрасно.

Врач, на которого молились тысячи спасѐнных им людей и их родственников, при разговоре с Михаилом Антоновичем и со мной отводил глаза.

— Может быть, в клинику в Германии, Израиле или США? — лицо отчима было бледным, он как-то резко постарел.

— Поздно. Слишком поздно. У неё метастазы во всех органах.

Врач предсказал ей два месяца жизни. Она продержалась три.

Однажды маме стало немного легче, и мы втроём отправились к тёплому морю. Там она передвигалась в инвалидной коляске. Её подвозили к самой кромке пляжа, она вставала, осторожно входила в воду по колено. Брызги летели ей в лицо. Она улыбалась и прикрывала глаза. Мне казалось, что в эти минуты она была счастлива. Несколько минут спустя её лицо искажала гримаса боли. Прибегала медсестра, маме кололи обезболивающее. Оно помогало на несколько часов. Потом делали ещё инъекцию, хотя это было очень сильное средство.

На десятый день она сказала: «Хочу домой». Мы улетели на четыре дня раньше запланированного.

Я сдала последние экзамены в университете и искала работу. Когда ездила на собеседования, то вызывала маме сиделку.

Но чаще мы были с нею вдвоём. Однажды она сказала:

— Я очень виновата перед тобой, Софьюшка.

— О чём ты, мама? — спросила я.

— Ты знаешь о том, что ты мне неродная дочь?

На меня словно ушат холодной воды вылили. Я почувствовала озноб, несмотря на то, что был жаркий августовский день.

— Не гляди на меня, как на сумасшедшую, девочка моя. Ты помнишь хоть что-нибудь до того момента, как мы стали жить вместе?

В ту ночь я долго не могла уснуть. Вспоминался деревенский праздник, сразу несколько невест. Женщина, танцующая в отблесках огня. И мальчик. Светловолосый мальчик. Мне кажется, что это мой брат. Лицо ребёнка, пришедшего в мои воспоминания, расплывалось, я

не могла его толком разглядеть. Я только помнила, как он взял меня за руку и повёл в хоровод. Ещё он дал мне красно-белый леденец на палочке. Конфета была вкусной, пахла мятой и долго не заканчивалась.

В моих родных местах не все люди говорили по-русски. Мне кажется, что мы жили на Украине или в Молдове.

— Прости меня, Сонюшка, прости, если сможешь. Видит Бог, — мама Катя подняла глаза вверх, — я старалась быть тебе хорошей матерью.

— Мам, ты — лучшая. Я люблю тебя, — прошептала я.

Я начала вспоминать трогательные моменты своего детства. Их было много.

Помню, на утреннике в садике мне дали главную роль — принцессы в сказке. Мне было тогда лет шесть. Мы жили с мамой Катей вдвоём, материально были довольно стеснены. Не было возможности купить шикарное платье для выступления. И тогда мама пожертвовала занавесками. Вместе с соседкой тётей Наташей они за ночь соорудили мне наряд, о котором мечтает любая девочка.

В школьные годы мама записала меня во всевозможные кружки. Я посещала танцевальный, театральный, художественную школу. Меня водили и на каток. Ей говорили: «Зачем так много?» Она отвечала, что для того, чтобы понять, что ребёнку действительно нравится, он должен многое попробовать.

И в самом деле, уже лет в двенадцать я поняла, что больше всего мне нравится фотографировать, и начала подробнее изучать то, что в дальнейшем стало моей профессией. Выдержка, диафрагма, экспозиция, «боке», строб, фокус, «пыха», золотой час. Для меня это было не скучно, а страшно интересно.

Когда мне исполнилось тринадцать, мама Катя вышла замуж. Михаил Антонович был не богатым человеком, но весьма обеспеченным. Мы жили в хорошем загородном доме, но слуг у нас не было. Мама ушла с работы и посвятила себя домашнему хозяйству. Два-три раза в год мы пу-

тешествовали, я увидела Париж и Венецию, Рим и Лиссабон, Прагу и Будапешт. В память о тех днях осталось много фотографий.

— Прости меня, Софьюшка. Я разлучила тебя с твоими родными. У тебя могла быть совсем другая жизнь.

— Мне не надо другой, я счастлива.

— Я ведь тебя украла.

— Почему именно меня?

— Ты так была похожа на неё, на мою Сонечку. Я очень плохой человек. Я убила свою дочь.

Я замерла от ужаса. Боялась брякнуть что-нибудь не то, спугнуть момент откровенности. И всё-таки что-то липкое, противное смущало мою душу. Как так? Моя мама, которая меня вырастила, которую я любила, и вдруг — убийца? Причём убившая не какую-то мразь, не подонка, а маленького, беззащитного ребёнка, свою родную дочь? Это просто не укладывалось в голове.

Выслушав её рассказ, я сначала выдохнула с облегчением, а затем вновь покрылась липким потом.

Она поведала о том, что после развода с мужем жила вдвоём с дочкой, настоящей Софией. Девочка росла доброй, умной, хорошенькой, но очень болезненной. Всё к ней цеплялось: и корь, и ветрянка, и грипп, и ангина, и пупочная грыжа. На работе на Екатерину косились из-за слишком частых больничных. Тогда она продала квартиру в городе и переехала в небольшой посёлок. Завела огород, хозяйство. Выращивала зелень, продавала яйца, молоко и творог.

Дочка стала здоровее, но весной сильно заболела. Екатерина вызвала скорую, та сначала долго ехала, а потом решила забрать девочку в больницу, в райцентр. Пожилой фельдшер сделал укол, но заподозрил воспаление лёгких. Он сказал, что необходима госпитализация. Было уже одиннадцать часов вечера. Катя хотела ехать вместе с дочкой, но скорая не могла её взять. В салоне уже лежала бабушка с сердечным приступом, в уголке жался мальчик со сломанной рукой и наложенной шиной.

Поехать вслед за каретой скорой помощи Катя не могла. Её машина сломалась. Фельдшер говорил, что она сможет навестить дочку на следующий день, но та сказала, что одну её в больницу не отправит, и написала отказ от госпитализации.

Полночи она баюкала дочь, нося её на руках. Лишь под утро обе забылись тревожным сном.

Когда Катя проснулась, девочка не дышала. Она тормозила её, пытаясь разбудить, целовала холодные ручки и щёчки, не могла поверить в происшедшее. Потом в состоянии полного окаменения весь день лежала рядом и смотрела на свою кроху.

Затем её охватила паника. Она решила, что её обвинят в смерти дочери. С трудом соображая, что делает, в глубине сада она выкопала яму — под старой яблоней. Следующей ночью она похоронила там Софию. Начался огородный сезон, а Катя ничего не сажала.словно повредившись в уме, она сутки напролёт просиживала под старой яблоней.

Прошёл почти месяц, когда соседка через забор спросила её о дочке, что это давно, мол, Софийку не видать. Катя сказала, что девочка гостит у бабушки. Договорилась с соседкой о том, что та присмотрит за скотиной, пока она съездит за дочкой. Так Екатерина оказалась в нашей деревне, приехала в гости к брату.

Во время деревенского праздника она заметила, как я похожа на её дочку. На следующий день подошла ко мне на улице. У нас в деревне обычно было спокойно, дети моего возраста гуляли возле домов одни. А за мною тем более тщательно не следили. Катя сказала, что я была из многодетной семьи. Я ушла гулять с братьями и сёстрами, меня не сразу хватились.

Взрослый всегда может обмануть ребёнка. Екатерина предложила мне посмотреть на новорождённых котят. Я с удовольствием играла с ними. Один особенно понравился мне — трёхцветный мальчик. Позже мне многие знако-

мые доказывали, что трёхцветных котов не бывает, только кошки. А я точно знала: бывают. Мы назвали его Марси-ком, он прожил с нами пятнадцать лет. В тот день, на-визившись вдоволь с котёнком, я попросила попить. Екате-рина угостила компотом, в который добавила снотворное.

Она посадила в машину меня и Марсика, и мы отпра-вились в путь. Меня не сразу хватились, на трассе нас остановили всего раз. Спящая на заднем сиденье в обним-ку с котёнком девочка подозрений не вызвала. Екатерина помимо своего паспорта предъявила свидетельство о рож-дении настоящей Софии. В нём ведь нет фотографии.

Мама сказала, что сначала я плакала, а потом привык-ла. Она покупала мне игрушки, вкусно кормила, со мною неотлучно был Марсик. Мы несколько раз переезжали, жи-ли на съёмных квартирах. Она пыталась запутать следы.

К утру мама умерла. Лицо её стало умиротворённым, морщинки разгладились.

На тумбочке возле её кровати мы нашли немного по-мятые документы. Видимо, она приготовила их заранее, выложила на видное место, предчувствуя свой уход. Я по-чему-то подумала, что она держала их под матрасом. Это было завещание всего её имущества, оформленное на моё имя, признание, адресованное в правоохранительные ор-ганы с указанием точного места захоронения Софии и письмо для нас с отчимом. Она молила о проще-нии и просила похоронить Софию по христианскому обы-чаю, на кладбище.

Михаилу Антоновичу удалось добиться разрешения на перезахоронение останков Сони. И вскоре мы с ним стояли возле небольшого холмика. Немного странно было читать на табличке, прикреплённой к кресту имя, которое я носила много лет: «Макарова София Андреевна». Позд-нее отчим меня усыновил, я стала Панкратовой и Михай-ловной. А по мужу я — Вольская.

Мы пытались найти моих родственников, но безуспешно. Нам не удалось узнать, в каком селе проживал мамин брат. Выяснили лишь, что её девичья фамилия Савельева, а Савельевых на свете много. Я обращалась на поисковые сайты, но всё было напрасно. Пару раз вроде бы удавалось нащупать след. Истории были очень похожие, но тест ДНК расставлял всё по своим местам: это были не мои родные.

Часто мне снятся светловолосый мальчик и совсем непохожая на него смуглая девочка. Они называют меня другим именем. Мария? Марина? Майя? Мне не удаётся разобраться. Но меня очень мучает то, что я не знаю своих корней, и я решила принять приглашение на телепередачу.

В этот раз пришла в студию без особой надежды. Сначала рассказали историю другого ребёнка. Мальчика по имени Артём усыновили из детского дома в Америку. Там его звали Кевином. Его американские родители оказались садистами. С большим трудом нашим правозащитникам, уполномоченным по правам детей, удалось вернуть его в Россию. Ему повезло — в студии он встретился с родными братьями и сёстрами.

Когда я увидела «своих» — предполагаемых маму и брата, то сердце просто выпрыгивало из груди. Их девочка по имени Маруся тоже пропала после Красной горки, в том же самом году, что и я. Но тест ДНК показал, что они мне чужие.

Муж уговаривает прекратить поиски. Он говорит, что мои родные могут оказаться алкоголиками или сидевшими в тюрьме преступниками.

Ему легко рассуждать. У него есть «бабАня» и «дед-Витя», как их любя называет наша дочь, трёхлетняя Алиса.

«А у тебя есть Михаил Антонович, ставший родным, хотя и не по крови», — говорит Стас.

Несмотря на волнения и разочарования, связанные с поисками, я всё-таки хочу продолжать. Мне важно знать свои корни, чьи во мне гены. Вполне понятное желание, не так ли?

Закрытый город

Жанна Ди @zhanna. pisatel

Закрытый город жил своей жизнью, не такой, как за пределами высоких стен. Малют пыталась понять его, узнать лучше, но всё равно душа звала на свободу туда, к зелёным лесам, пыльным тропинкам, историям гостеприимных семей, живущих в небольших поселениях.

Если бы не желание ещё хоть раз услышать голос таинственного друга, она бы сбежала из города при первой возможности и забыла о нём, как о безликом сне. Но её удерживали паучья сеть, ежедневные уроки и куратор, который не позволял думать о чём-то помимо бесчисленных запретов, условий проживания в этой каменной клетке и способах показать свою приверженность Правителю. Хозяину живой игрушки.

Малют смотрела на улицу сквозь запотевшее стекло. Солнце обнимало дома и рисовало бликами на земле не хуже умельца с кистью и красками. Осторожно ступая, избегая затемнённых участков, на улицу выходили люди. У каждого в руках предмет. Его цвет бросался в глаза. Красный! Футболка, бумага и даже тарелка. Чем испачканы они? Помидорами или...

— Да. Это капельки крови, — пояснил Малют куратор.

— Но зачем?

— Если честно, я не всё знаю. Слышал только, что традиция этого праздника появилась случайно. Один из первых жителей поранился. Непонятно как — не смог потом объяснить, говорил, что это город его проверял. Мол, оставь частичку себя и стань своим навсегда. С тех пор те, кто не хочет покидать нас, собираются в шествия.

— Как часто?

— Смешно. Но это не предсказуемо. Сам город решает, когда ему нужны подношения.

— Есть ли название этого дня?

— Да, многие называют его «Маёвка» — моё подношение в крови — так расшифровывают название старожилы, а вновь прибывшие верят и не задают вопросы.

— А что происходит с теми, кто пропускает шествие?

Малют обняла себя — сама мысль заплатить кровью за пребывание здесь казалась безумством.

Куратор не ответил.

Хлопнула дверь и спустя пару минут он присоединился к толпе.

Это вывело Малют из размышлений. Как? Почему? Он никогда раньше так не поступал. Не бросал занятия не попрощавшись, не сказав, о чём нужно подумать, к чему подготовиться на следующую встречу, не проверив диск — всё ли из услышанного записалось в память ученицы...

Выглянув в коридор, Малют снова удивилась. Она и не подозревала, сколько людей находилось в здании, где её держали. Мужчины, женщины, подростки и старики. Сколько их? Сосчитать не получалось. Малют молча влилась в поток. И её приняли также без слов. Только один из шествующих протянул белую тряпицу и прошептал:

— Сделай это сама. Пока не вышли на улицу.

«Что сделать?» — успела мелькнуть мысль, но другой человек вложил ей в ладонь булавку.

«Я не хочу! Не собираюсь!» — бунтовало подсознание.

Но взгляды людей почти кричали: «Ты должна присоединиться к Маёвке! Отдай хотя бы капельку крови! Иначе город найдёт способ тебя наказать!»

За людским потоком наблюдал из своей комнаты и Правитель. Он ждал каждый раз этого шествия не просто так. Ему нравилось видеть всех жителей вместе, как частицы одного организма на улицах его города. А отдельно они всего лишь мелкие крошки, а вместе мука, из которых создан пирог. Его пирог. Как человека, собравшего внутри

города такое количество людей. Его людей. Исполняющих беспрекословно любые приказы, желания. Даже странные, на первый взгляд.

— Как могла прижиться такая глупость? Капля крови как плата? А название — «Маёвка»... Бред же, — размышлял Правитель, вспоминая, как рассказывал разные версии первым жителям, показывая свой случайно пораненный палец.

Малют задерживается на выходе. Вот она дверь — распахнута настежь, люди выходят на улицу и тут же меняются, от них идёт свет розоватый или, может, мерещится от обилия красного. Поток людской движется по улице к границе между секторами, и чем дальше они уходят, тем сильнее Малют тянет обратно — в комнату, скрыться от невидимых взглядов. Она чувствует их, даже на расстоянии. Словно это они касаются выходящих на улицу и ведут как домашний скот.

Оглядываясь краем глаз, Малют вцепилась в угол стены и попятилась потихоньку в сторону лестницы. Один шаг, другой.

«Ты правильно делаешь. Не давай повода думать, что ты стала городским жителем. Помни о любви к свободе», — подбадривала она себя.

Вот только остаться в здании оказалось не так просто. Огромный, как медведь, мужчина в красном балахоне покачал головой, схватил её за руку и потянул к выходу:

— Нельзя никому оставаться под крышей. Правитель хочет увидеть каждого жителя. Идём!

— Нет-нет, я пока не готова. Хочу предстать в самом лучшем настрое, и мне очень нужно кое-что... Отпустите же! — Малют изворачивалась, шипела, умудрилась даже за палец укусить мужика.

Но порог оказался так близко. Запах крови щекотал ноздри, тяжёлое дыхание давило на плечи, топот сотен ботинок и нарастающий гул слов, как плетущееся заклина-

ние врывалось прямо в подсознание, снижая силу сопротивления.

— Мир! Жди нас, мы будем с тобой. Май! Нет, мы не маемся, мы любим наш город. Труд! Да, это счастье — быть частью сообщества самого лучшего города на нашей планете.

Малют выдохнула и позволила вытащить себя на улицу, но мысленно закрылась. Представила, что накинула плотный капюшон, не слушала скандирующие лозунги голоса, вспоминала куратора, Тень. И медленно, шаг за шагом, двигалась против течения. Убедившись, что на неё никто не обращает внимания, свернула в проулок и побежала, словно за ней гнался дикий зверь. Огляделась только когда приблизилась к стадиону. Никого. Проскользнула в щель забора и вдохнула тишину.

— Тень! Я пришла! Поговори со мной!

Прошла целая вечность, прежде чем его бархатистый голос накрыл лёгкой шалью Малют.

— Не удивлён! Только ты можешь устоять против притяжения большинства. Но будь осторожна! Правитель не должен узнать о твоих способностях. Он очень боится тех, кто ему не принадлежит безраздельно.

Радость сменилась тревогой.

— Что же делать? Помоги! Подскажи!

— Прости. Не сегодня. Ты ещё скажешь мне спасибо.

Голос стих, вместо него на поле появилась охрана.

— Почему вы не на Маёвке? Хотите разгневать Правителя?

Пришлось снова слиться с толпой. А кровь? Нет, Малют не изменила решения. Ни капельки своей крови не отдаст городу, пусть Правитель довольствуется другими. А она всё равно скоро станет свободой и найдёт способ покинуть город, но не как беглянка, а тогда, когда сама посчитает нужным.

«Да, Тень?»

Он кивнул и мысленно обнял её.

Увидятся ли они снова? Это может знать только город. Сегодня каменный дух получил пищу, воздух пропитался привкусом пота, соли и кровеносных телец. Пир маёвский удался. А завтра всё вернётся к обычному руслу: послушные жители и бунтующие мысли Малют. Даже воздух будет их слышать и Маёвку придётся повторить. Снова и снова пока либо Малют поддастся, либо... О втором варианте Тень не хотел даже думать. Он верил в силу духа странницы и знал, что та найдёт способ избежать приурочения.

Сокровища славян

Остя Горгоц @book_vegmat

*Услышав на уроке
Про письменность славян,
Ко мне пришёл с вопросом
Мой правнучек Иван.*

*Он мне сказал: «Бабуля!
(И ничего, что пра-)
Рассказывать о предках
Давно пришла пора.*

*Ты видела, я знаю,
Кто первый, что писал.
И я уверен, это
Был кто-то из славян».*

*— Не знаю, дорогой мой,
Что в школе говорят,
Но письменность родилась
Не сотню лет назад.*

*— А неужели раньше
Не знали ничего?
А как передавали:
Когда, кого, чего?*

*— Ну, почему не знали?
Всё ведали, пойми.*

*А как передавали?
Да так — между людьми.*

*Былины, сказы, сказки
И это не предел —
До наших дней доходит
Кто что сказать хотел.*

*— Вот насмешила — сказки!
Совсем для малышей!
Какая польза взрослым
От Зайцев и Мышей?*

*— Большая, знаешь, польза.
Но нужно разгадать.
Что Колобок, к примеру,
Нам хочет подсказать?*

*— Ведь Колобок — светило,
Показывает нам...
— Бабулечка, я понял!
Я догадался сам!*

*Читал недавно в книге,
Как предок передал
В стихе фамильном тайну,
Где клад запрятал сам.*

*Я быстренько загуглю,
Чтоб вмиг определить,
Где поискать мне надо —
Сокровища добыть.*

*И строчку в телефоне
Он пальцами стучал:
«Лиса, светило, сказка,
Что Колобок сказал?»*

*— Ну надо же! Удача!
Посёлок «Сказка». Ну!
И в нём — пещера «Лисья».
Я точно клад найду!*

*Бабулечка, до встречи!
Я побежал, пока!
Услышишь скоро новость
Про умного внучка!*

*— Из молодых да быстрых!
Ну, что тут говорить?
Пускай поищет малость,
Ишь, мчится во всю прыть!*

*— Пещера «Лисья», значит.
А что светило нам?
Наверно, на закате
Покажет путь к горам!*

*Довольная улыбка —
Ведь тут недалеко!
Ну надо же, удача!
Конечно, суждено.*

*А в помощь — навигатор.
На месте скоро был.*

*Не надо ждать так долго
Подмоги от светил.*

*В пещеру вход забавный
Как нос и два клыка.
Конечно, скоро «Лисья»
Съест Солнце-Колобка!*

*Но ждать зачем так долго?
Ведь точно же — она!
И вскоре вся пещера
Осмотрена до дна...*

*— Как так? Что упустил я?
Ни следа нет нигде.
Ни надписи, ни камня,
Ни метки на стене.*

*Устало сел на землю.
Уверен был, что тут.
Зачем такие сказки,
Где нагло детям врут?*

*Опять пришёл к бабуле
Сказать, что всё не так.
Что это просто сказки,
Нетайный вовсе знак.*

*— Но ты же недослушал!
Светило — не одно!
Луна — светило тоже
И важное оно.*

*Но не о кладе речь тут —
Есть вещи и ценней.
Тут путь Луны показан
Для знающих людей.*

*Когда, в каких чертогах
Она проходит путь,
А Волк, Медведь, другие —
За бок хотят щипнуть.*

*Всё меньше, меньше, меньше,
Становится Луна
И, наконец, в Лисице
Совсем уйдёт она.*

*Чтоб снова возвратиться
И вновь пройти свой путь.
Об этом, верно, в сказке
Хотели намекнуть.*

*Но согласись, с пещерой
Идея неплоха?
Отличная идея
Для нашего стиха!*

Я по тебе скучаю, ба

Светлана Бутусова @writer_winnfled

В душе нарастал трепет. Волнение отдавалось в каждой клеточке тела. Малышка затаила дыхание, с нетерпением поглядывая на закрытые врата алтаря.

Народ ждал. Народ верил. Народ молился.

В глубине крошечного деревенского храма зарождался свет. Он пробуждался в груди маленькой девочки, вспыхивал в сердцах склонивших головы бабушек и дедушек и загорался ярким пламенем у аналая.

Старенький священник чуть дрожащими руками совершал таинство. Шептал слова молитвы, украдкой смахивая слёзы радости. Дождался. Ещё один год позади. Впереди ещё один на замаливание грехов и восхваление Всевышнего.

Свет теплом обволакивал прихожан, на короткий миг превращая разрозненную толпу в единое целое. Люди замерли. Устремили взгляды на хрупкую фигурку старичка, облачённую в яркие наряды, возникшего в проёме врат.

— Христос Воскресе!

Слова проворным ястребом метнулись к прихожанам, коснулись сердец каждого и устремились в тёмную синь небес.

«Христос Воскрес!» Сколько надежды и ликования скрывалось в этих четырнадцати буквах... Люди плакали, откликаясь на зов священника. Крестились и улыбались друг дружке, во взглядах передавая познание великой тайны мироздания. В этот миг сам воскресший бог коснулся сердец.

Малышка покосилась на стоящую рядом бабушку. Та торопливо и вполголоса повторяла за клиросом слова тро-

паря. Покрывала себя крестным знаменем и улыбалась зачарованно, глядя на икону в центре храма. На ней сияющий Христос, раскинув руки в стороны, представал перед опечаленными его смертью учениками.

Малышка переступила с ноги на ногу. Потёрла кончик носа ладошкой. Еле слышно засопела. Она не понимала слов молитвы, но волнение разливалось и в её маленьком тщедушном тельце. Общая радость заражала.

— Пой, моя девочка. Славь Христа со всеми, — зашептала бабушка, склонившись к внучке. Взволнованно потрепала по русым волосам. — Чудо великое свершилось!

Малышка улыбнулась и неожиданно для себя самой подхватила со всеми «Воистину Воскресе!»

В сердце разлилось счастье.

— Марго, ты меня слышишь? — подруга толкнула её в плечо и одарила сердитым взглядом. — Кому я говорю?

— Слышу. Без проблем. Встречаемся в восемь, поедем на шашлыки, — повторила за подругой девушка и улыбнулась. — Какой Первомай без этого ритуала?

Женька довольно кивнула. Отправила парням сообщение и посмотрела на подругу.

— Ты какая-то отстранённая. Что случилось?

Маргарита пожала плечами. Как объяснить ей, что ничего не произошло, но на душе кошки скребут?

— Странная ты, Ритка, — вынесла вердикт Женька. Покачала головой, а затем сощурилась и хитро улыбнулась, — Может, по бокальчику? Могу кулич ещё разрезать. Для поднятия настроения. Праздник всё-таки.

Маргарита отрешённо кивнула. При упоминании слов «праздник» и «кулич» защемило в груди. Что-то родное, давно позабытое всплыло в сознании. Церковный хор, трепет в душе, старенькая бабушка, вторящая клирикам...

— А знаешь, Женька, я неважно себя чувствую. Наверное, не поеду с вами, — она неожиданно заторопилась.

Встала из-за стола и поспешила к выходу. Подруга удивлённо уставилась вслед, не находя что ответить.

А Маргарита уже стучала каблуками по ступеням, до конца так и не осознавая, что заставило её отменить все планы. Поездки за город на шашлыки были традицией. Каждой год первого мая они покупали мясо и ехали с друзьями отмечать. Но в этот раз всё было иначе...

Отворив дверь, Рита вошла в квартиру. Скинула туфли и прошествовала в зал. На ходу нажала на пульте кнопку включения. Синий экран вспыхнул ярким светом. Колокольный перезвон разлетелся по крошечной комнатухе. Ритка искоса посмотрела в сторону телевизора и замерла. Диктор с экрана, перекрикивая колокольный звон, вещал о схождении благодатного огня. Ещё один год дарован земле, ещё год, чтобы исправиться... Неожиданно Маргарита ощутила, как защипало глаза. Она заморгала, пытаясь отогнать некстати навернувшиеся слёзы.

— И чего это я расчувствовалась? — недовольно буркнула себе под нос девушка и даже как-то поспешно сердито вырубил телевизор. Насупилась. Глупости всё это. Она давно не верит в чудеса. Бабушка пыталась ей навязать веру, маленькой водила в храм. Но взрослая Ритка давно для себя уяснила, что подобное не для неё. Может, когда составится...

Насыпав в тарелку окрошки, девушка плюхнулась на стул. Достала мобильный. Включила плеер. Голос Кипелова разлетелся по комнатухе, унося далеко от церковных песнопений.

«Так-то лучше», — промелькнуло в голове. Ритка улыбнулась.

Священник, не спеша, кропил собравшийся люд. Шёл по кругу и кротко всех поздравлял, заглядывая в глаза. Произносил «Христос Воскресе!» и освещал душистые куличи и разноцветные яйца.

Малышка заворожено следила за ним. Переступала с ноги на ногу от волнения и ждала, пока священник поравняется с ней. Девочке не терпелось откликнуться на призыв и положить пасочку в корзинку, которую за священником нёс пономарь.

— Христос Воскресе!

Малышка подпрыгнула от неожиданности, когда брызги святой воды упали на лицо. Вмиг стало неудобно, но бабушка радостно зашептала ответ. Схватила внучку за плечо.

— Ну же, Ритуля, не молчи! И не забудь положить куличик вон тому дяденьке.

От восторга девочки не осталось и следа, но она покорно выполнила просьбу. Старушка просияла и потрепала малышку по голове. Беленький платочек соскользнул на плечи.

— Моя умничка. Держи яичко. Давай похристуемся.

И, посмеиваясь, бабушка ловко выудила из корзинки два крашеных яйца. Всунула одно в руку девочки, а второе подставила для удара.

Часы показывали полдвенадцатого.

Рита докрасила последнее яйцо. Достала с антресоли потрёпанную корзинку. Застелила белым полотенцем. Задумалась, осторожно укладывая на дно куличи. Бабушка любила Пасху, а вместе с ней этот праздник обожала и маленькая Рита. Было нечто чарующее в привычных ритуалах, ярких одеяниях священника и громогласных мелодичных напевах клироса. Что-то необъяснимо божественное...

— Видишь, бабуля, снова как в старые добрые. Тебе бы понравилось, — произнесла в пустоту девушка. Умокла, услышав далёкий перезвон колоколов. Христос Воскрес...

— Как же чудесно мы вчера посидели, Ритка, не представляешь! Зря ты с нами не поехала. Мясо было божественное. А вино... Ммм, мальчики выбрали просто непревзойдённое, — довольно щебетала в трубку Женька.

Маргарита потёрла пальцами кончик носа.

— Может, и зря. Повторим сегодня?

— Какая прекрасная идея, Марго! Звоню парням, пусть бегут за мясом! А ты собирайся, скоро заеду за тобой, — оживилась подруга. Рита улыбнулась и нажала отбой. Затем достала ещё одно яйцо из корзинки и положила на край стола.

— Христос Воскресе, бабушка! Сегодня я не испугалась, когда священник ходил и кропил водой. Взрослею... — девушка улыбнулась и сразу погрузилась в грусть. — Я очень по тебе скучаю, ба. Мне не хватает наших ритуалов. Надеюсь, ты счастлива, где бы ни была...

Киони и загадочный незнакомец

Анжелика Шахматова @angelica_tutor

Часть первая

Праздник Весны и Обновления отмечался с размахом. Купол города, видимый из любой точки, приковывал взгляды. По нему в такт музыке распускались бутоны диких цветков, чтобы превратиться в драконов, рассыпавшихся через секунду мириадами звёзд. Фиолетовые всплески света сменялись бирюзовыми оттенками и вспыхивали огненными пучками, разливаясь радужными узорами, и превращаясь мгновения спустя в танцующие галактики.

На дорожках возникали световые голографические фигуры. То сказочными персонажами подмигивали они Киони, то молчаливыми фейерверками взрывались перед зачарованной зрелищем девочкой.

Карусели и другие аттракционы забавляли любителей покататься или получить адреналиновый всплеск.

Иллюзионисты соревновались с технологиями, пытались поразить искушённую публику ловкостью одних лишь рук. Им это удавалось до тех пор, пока детвора не обнаруживала смешного улыбающегося робота-стеклодува. Это чудо техники умело вытворять такие кренделя, перед которыми не устоял бы ни один ребёнок. Робот выдувал разные фигурки из переливающейся всеми цветами радуги карамели и тут же выдавал полученные шедевры очередному заворожённому счастливчику. Сегодня Киони испол-

нилось двенадцать. Совсем уже не малышка. Однако и она с большим удовольствием получила вкусное хрустящее лакомство.

По периметру главной площади автоматы раздавали бесплатные угощения.

Чего там только не было! Боминаши, насу, итили соблазняли ароматами. Хумуги и годжотар заставляли течь слюнки. Сапори и собомоджо утоляли жажду. И, конечно, главный герой любого праздника — розовые кубики аншай. Они притягивали сладкоежек всех возрастов как магнит.

Но голова у Киони ходила кругом не от сладостей и зрелищ. А от всех тех мыслей других людей, что огромным потоком лились повсеместно. Упрямая девчонка, однако, не собиралась отключать чтение мыслей. Она хотела как можно быстрее научиться фильтровать услышанное, чтобы уметь распознавать важное.

Часть вторая

Киони, её брат-близнец Кай и родители подошли к одному из автоматов с десертами. Возле него стоял светловолосый мальчик лет пятнадцати.

— Так. Возьму три кубика, нет, лучше пять кубиков аншай и бутылочку собомоджо, — услышала Киони мамины мысли.

Мама начала говорить это вслух. Одновременно с этим папа и брат думали о своём. И среди всего этого мысленного гомона прозвучала пронзительным криком тишина мыслей незнакомого подростка.

Киони взглянула на него. Ого! Ей было знакомо это лицо! Она знала его сестру-близнеца. Только она не подозревала, что у Шурí есть брат. Парень тоже посмотрел

на неё с интересом. Они оба слышали тишину друг друга. Это означало только одно: они оба элэники — читающие мысли. Но удивительнее всего то, что на нём не было формы курсанта Академии Галактической Безопасности, которую они должны носить всегда.

Он глазами пригласил её отойти в сторону.

— Мам, пап, я пойду наберу фруктов и вам тоже, — бросила Киони родителям и направилась к автомату с фруктами.

Парень подошёл к ней и отрывисто затараторил:

— Не говори никому, что я был без формы. Иначе мне влетит. Могу я тебе доверять? Как тебя зовут?

— Киони Нионтину, 7 курс.

— Хорошо, Киони. Не выдай меня, я тебе верю, — сказал он, развернулся и растворился в толпе.

Киони опомнилась и стала спешно набирать фрукты. Она даже выключила чтение мыслей, чтобы подумать.

Никогда прежде не видела она, что курсант может быть без формы. Ей бы даже в голову это не пришло. И главное, непонятно зачем. Курсанты гордились тем, что учатся в Академии. Они считались элитой. Все знали, что в неё просто так попасть невозможно. Даже Киони до вчерашнего дня думала, что она была принята в Академию, потому что успешно прошла вступительные испытания. Что было правдой только отчасти.

И кроме того, в Правилах было ясно сказано, что курсанты обязаны выходить в общество только в форме. Что будет, если не надеть форму, она не знала. И решила сразу же спросить об этом учителя, когда вернётся в Академию.

Часть третья

На следующий день курсантка отправилась к Шури́ Та-лиулуну, сестре того самого незнакомца. Не то, чтобы они дружили, просто пересекались на каких-то городских мероприятиях и знали друг друга. Но Киони никогда не видела её брата-близнеца.

— Мой брат — курсант? — выпучила глаза Шури, — у меня есть только младший братик, ему вчера исполнилось три года. Он точно не курсант.

— Да, нет же, другой, твой близнец. С точно такими же зелёными, как у тебя, глазами и такими же светлыми волосами, — горячо твердила Киони, — я видела его вчера на площади.

— Ага, понимаю, тебе бы хотелось, чтобы был такой мальчик, как я. Но у меня нет никакого брата-близнеца! Иначе я бы знала об этом, верно? Ты обозналась.

Курсантка и сама стала думать, что ошиблась. Может быть, он просто похож на Шури. Ведь действительно, с чего ей врать? Тем более вчера было темно и слепила разноцветная иллюминация.

— А сколько тебе лет? — спросила раздосадованная девочка.

— Пятнадцать, — ответила Шури.

«Значит, 10 курс», — посчитала Киони.

Вернувшись в Академию после каникул, девочка первым делом спросила у профессора Энго Кунвакир, что будет, если курсант выйдет без формы.

— Отчисление из Академии, — засмеялся тот, — надеюсь, тебе не приходило в голову разгуливать без формы?

— Нет, это я так, из любопытства, — сказала она и поспешила уйти. Несмотря на то, что за последний семестр она отлично научилась скрывать мысли, все знали, что учителя обладают знаниями, способными снимать защиту.

Киони отправилась в Зал Церемоний. В нём можно было увидеть портреты всех курсантов. Ни на 10-ом, ни на 9-ом, ни на 11-ом курсе она такого подростка не нашла. Только на 8-ом был похожий. Но Киони была уверена, что того незнакомца среди курсантов нет.

Часть четвёртая

Апартамент ректора Боадо Фанавакира находился на самом верху профессорско-преподавательского корпуса и занимал весь этаж. Ректор сидел на террасе. Он пригласил профессора Энго присесть рядом и велел домашнему роботу Виви-тау принести ему напитки и закуски. Тот подъехал к гостю, и Энго выбрал на панели нужные ему названия. Виви-тау удалился, чтобы привезти угощения.

— Я так понимаю, что-то из ряда вон выходящее, раз ты пришёл прямо ко мне в апартамент?

— Киони Тионтину, курсантка седьмого курса, видела эленика не из Академии. Пыталась скрыть мысли. Но я успел задать ей два прямых неосознаваемых вопроса.

— Где и когда?

— В городе во время праздника.

— Хорошо, Энго. Спасибо за бдительность. Вероятно, кто-то из ребят решил погулять. Я позабочусь об этом деле. А ты присмотри за девочкой. Надеюсь, она не будет рассказывать всем подряд об этом. Понятно, что ей никто не поверит, но и слухи нам тоже не нужны. Если что, ты знаешь, что делать.

Часть пятая

Киони обшарила всю сеть, пытаясь найти сведения об элениках не из Академии. Но ничего не нашла.

Она вспомнила урок истории, на котором она узнала о появлении современных элеников. Урок вела профессор Хансенуни Су Хамитту. Про неё ходили слухи, что она может назвать дату каждого исторического события, хоть разбуди её посреди ночи, но при этом её ставили в тупик элементарные задачи по математике.

— После геноцида читающих мысли Бенахетами выжило несколько человек, — рассказывала им профессор, — и они изобрели схему, при которой эленики снова могут рождаться. Это стало возможным благодаря генной инженерии. Конечно, сейчас нам ничто не угрожает. Но Академия посчитала, что и для обычных жителей планеты Юнар будет проще, если они не будут знать о нашей с вами способности. Потому что непонимание, мои уважаемые, порождает страх. Именно страх заставил бенахет истреблять элеников.

— А это честно, что народ не знает про нас? — задал вопрос Або Су Човерс, долговязый черноволосый, как все островитяне, мальчик. — Чтение мыслей — это же как подглядывание за людьми.

— Да, Або. Именно поэтому вы принимали клятву Су Тсуна.

— Можно вопрос? — спросила Киони.

— Да, Киони, слушаю тебя.

— Поэтому у нас у всех есть близнецы, раз нас создавали генные инженеры.

— Вас не создавали, Киони. Вы родились как обычные дети. Но учёные придумали схему, при которой появляются эленики. Это возможно только, если рождается двойня, да. Один из близнецов обычный, другой — эленик. И вы, наверное, замечали, что вы сильнее и выносливее братьев

и сестёр?

— Да, замечали, — пронеслось по классу.

— Судя по моей сестре, ещё и умнее, — усмехнулся Тин Тауанн и все дружно засмеялись.

— Да, верно и умнее. Учёные просто заодно улучшили эти качества, мои уважаемые. Что, впрочем, не даёт права считать, что вы лучше. Заметили ли вы также те качества, которыми обладают ваши братья и сестры?

— Дааа, — протянули дети.

— Мой брат очень чувствительный. Даже букашек ему жалко, — сказала Витебаджи Бутервакиру.

— Верно. Это называется баланс. Вы сильнее, выносливее, умнее и умеете читать мысли. Они чрезвычайно чувствительны, эмоциональны и человеколюбивы.

И ещё профессор Хансенуни сказала им тогда, что абсолютно все эленики учатся в Академии. Теперь выходило, что не все.

Часть шестая

Радужное море засветилось миллионами мелких неоновых рыбёшек. В наступающих сумерках это выглядело так, словно кто-то включил в воде подсветку. Остров Тинутайсото не оставался при этом тёмным пятном. На купол академгородка проецировалось звёздное небо. Хотя очертания созвездий и повторялись в точности, искусственные звёзды были крупнее настоящих и мерцали разными цветами.

— Привет! — услышала вдруг Киони.

На посадочной площадке её апартаментов стоял киборг-дракон. На драконе сидел он, тот парень. Девочка машинально и тоже мысленно ответила на его приветствие. Парень тут же включил защиту от чтения мыслей. Она сделала то же самое.

— Меня зовут Шой Нионхалл, — представился эленик, спрыгивая с робота, — можно?

— Входи, конечно. Как ты меня нашёл? — удивилась Киони.

— Тоже мне проблема. Ты назвала себя, не помнишь?

— А разве ты не Талиулун? — спросила курсантка.

— Нет, с чего ты решила?

— Я знаю Шури Талиулуну. У вас с ней одно лицо. Словно вы близнецы.

— Послушай, ты меня с кем-то путаешь. У меня нет сестры. На самом деле, я не курсант. Я не могу тебе сказать, кто я. Но дело не в этом. Должно быть, ты сказала обо мне кому-то. Иначе бы они не знали, что я уходил на праздник. Поэтому они знают, что ты меня видела.

— Я никому не говорила, кроме твоей сестры, ну, то есть, Шури Талиулуну, — возразила девочка и поняла, что профессор Энго успел прочитать её мысли.

— На связи ректор Академии Боадо Фанавакир, — сообщила система.

— Включи, — велела Киони.

Шой метнулся к дракону.

— Нет смысла убегать, Шой. Я знаю, что ты там. Добрый вечер, ребята. Жду вас у себя в апартаменте. Сейчас. Обоих.

Часть седьмая

На посадочную площадку опустился такси-дрон.

Шой и Киони забрались внутрь, аппарат взлетел и через пару минут плавно опустился на посадочной площадке пентхауса.

В пентхаусе были сам ректор, директор интерната Чарви Ровакиру, невысокая женщина с лиловыми волосами и короткой стрижкой, и профессор Энго Кунвакир.

— Добрый вечер, ребята. Проходите, присаживайтесь, выбирайте угощения, — радушно приветствовал их ректор Боадо.

— Добрый вечер, — проговорили оба.

Чарви и Энго кивнули им в ответ.

Дети сели. К ним подъехал Виви-тау и они выбрали себе напитки.

— Ну, что ж. Я так понимаю, у вас к нам больше вопросов, чем у нас к вам, — улыбаясь произнёс Боадо Фанавакир.

Ребята закивали.

— Хорошо. Я расскажу вам всё. Но предупреждаю тебя, Шой. Для тебя эта информация будет особенно шокирующей. С неё и начнем.

Киони увидела, что парень нахмурился.

— Ты не сирота, Шой. У тебя есть родители. И у тебя есть брат и сестра-близнец. Ты, как все эленики, родился в двойне.

— Как? — воскликнул парень.

— Шури Талиулуну? — не удержалась Киони, — я так и знала!

— Да, Киони. Это она. У остальных девятерых ребят-элеников в интернате тоже есть семьи и братья и сестры-близнецы.

Чарви Ровакиру кивнула в знак подтверждения.

— Нам пришлось сделать так, чтобы ваши родители не знали о двойне. Это несложно, если стоит такая задача. Сразу после рождения мы забрали вас в интернат. И вам, как и реальным сиротам, было сказано, что у вас нет родителей, — продолжил Боадо.

Он посмотрел на детей, ожидая, что они спросят за чем. Но ребята сидели молча, понимая, что они сейчас это услышат.

— Дело в том, что тогда в совете решался вопрос, нужна ли вообще Академия Галактической Безопасности, — ректор, встал и продолжил говорить, расхаживая по ком-

нате. — Решили не распускать, но вернуться к вопросу через какое-то время. Но финансирование урезали.

В это время приехал Виви-тау с угощениями, и Боадо, сделав паузу, заговорил снова:

— Мы в спешке искали способы доказать целесообразность Академии и, по возможности, увеличить бюджет. Тогда мы работали в нескольких направлениях. Благодаря этому наши исследовательские институты зарекомендовали себя как лучшие и наиболее передовые. Теперь, Академии даже не требуется финансирование. Мы обеспечиваем себя сами. Но тогда одним из способов был этот, — ректор взглянул на ребят, те внимательно слушали, и он продолжил:

— Мы решили создать особый отряд. Дать им такое же хорошее образование и с их помощью проводить, прямо скажу, провокационные операции, для решения которых требуется помощь элеников уже из Академии.

Дети забыли про напитки, слушая откровения ректора.

— Интернат всегда финансировался хорошо. А вам десятерым, ты и сам это знаешь, Шой, давали дополнительное образование, как эленикам. И ты знаешь, что вы составляете специальный секретный отряд боевой элиты.

Он посмотрел на Шоя.

— Я понимаю, Шой. Тебе, должно быть, неприятно осознавать, что с тобой так поступили. Но на тот момент у нас не было выбора. Существование всей Академии было под угрозой. Иногда обман во имя спасения — это единственно возможный выбор. В конце концов, мы все принимали клятву Су Тсуна использовать нашу особенность только во благо. Надеюсь, ты меня понимаешь?

— И что теперь? — спросил вместо ответа Шой.

— Хороший вопрос, молодой человек, — улыбаясь сказал Боадо и сел напротив детей.

— Поскольку, теперь мы финансируем себя сами, и, более того, институты Академии изобретают и производят

всё самое передовое, мы не зависим от решений совета. И мы с коллегами, уже обсудили этот вопрос, — Боадо взглянул на преподавателей, — Чарви, расскажи, пожалуйста, ребятам о нашем решении.

— Мы решили, — начала Чарви, — что, если вы захотите воссоединиться с семьями, мы не можем вам в этом отказать. Решать будете вы сами. Говорить с вашими родителями будем, конечно, мы. Они, в любом случае, не должны знать о вашей особенности. Впрочем, как и все обычные люди планеты, согласно той же клятве. Так или иначе, вы все будете зачислены в Академию, где и продолжите обучение.

Часть восьмая

— Привет, — услышала вдруг Киони и взглянула на посадочную площадку.

Там сидел на своём киборге-драконе Шой и радостно улыбался. Киони вскочила и подбежала к нему. Шон прыгнул с дракона.

— Можно войти? — спросил он.

— Входи, конечно! Как всё прошло? Ты видел родителей и Шури? — затараторила курсантка.

И Шой рассказал ей, как в последнюю ночь в интернате ему не спалось. С его родителями поговорили накануне. Он не знал, что им сказали, но они уже ждали встречи с ним на следующий день. Было настолько волнительно, что Шой никак не мог заснуть.

— Это так прикольно, когда видишь сестру-близнеца. Это как твоё отражение, переодетое в девчонку, — делился он, — Я в курсе, что нам уже хотели всё обрисовать. Но всё же, спасибо тебе, что встретила меня тогда на празднике. Я верю, что мы с тобой подружимся. Что скажешь?

Киони чуть не захлебнулась от восторга. Она даже и не мечтала иметь в друзьях парня с 10 курса.

— Да, клёво! Конечно, подружимся! — радостно воскликнула она.

Подарок на 1 мая

Екатерина Долганова @kat. pishet

— Я хочу кесарево!

В кабинет, тяжело переваливаясь, зашла беременная Марина. С трудом сев на стул, она подала «обменку» и правую руку измерить давление. Две пары глаз уставились на Марину.

— Соловьёва, что ты ещё придумала? — врач застегнула манжету на руке женщины. Послышалось мерное гудение.

— Ольга Ивановна, ну пожалуйста! Выпишите мне направление на кесарево. — Марина с надеждой смотрела на врача.

Но Ольга Ивановна глядела только на тонометр:

— 126/90. Давай на весы.

Марина шумно выдохнула, поднялась со стула и поплелась взвешиваться: 72,600. Многовато.

— Ложись, послушаю сердечко.

Марина легла на кушетку и задрала футболку. Стетоскоп оказался холодным, и женщина вздрогнула.

— Ну-ну! — Ольга Ивановна ласково похлопала её по руке. — У тебя всё прекрасно. Ребёночек лежит правильно, сердечко бьётся ровно. У тебя нет никаких причин волноваться. Сама прекрасно родишь. И никакое кесарево тебе не нужно.

Ольга Ивановна вернулась за стол и принялась заполнять карту. Марина, одеваясь, медленно села.

— Таак, срок 37 недель. Давление, сердцебиение. Прибавка великовата, ты за питанием последи, лишний вес в родах не нужен. Всё, Соловьёва, держи карту.

— Ольга Ивановна, нельзя мне в мае рожать. Примета же плохая!

Врач с удивлением посмотрела на Марину.

— Мне ещё бабушка говорила: «В мае родиться — всю жизнь маяться». Мамка моя майская. Одна меня растила. Папа пил много, работу потерял, а потом и умер от пьянки этой. Не хочу я такой участи сыночку своему!

Ольга Ивановна обменялась сочувствующим взглядом с медсестрой, вздохнула и мягко улыбнулась Марине:

— Дорогуша, это все чушь собачья! Приметы не имеют никакого научного обоснования. Бабкины сказки! Ну 21 век на дворе! Уж вы-то, молодёжь, должны понимать, где наука, а где — мракобесие. Всё, Соловьёва, иди и выкинь эту ерунду из головы.

— До свидания. — Марина шмыгнула носом и вышла из кабинета.

— Нет, ну ты слышала! — воскликнула Ольга Ивановна, как только дверь кабинета закрылась, — Примета плохая! Что за молодёжь бестолковая? Время такое было — всем тяжело пришлось. Денег не хватало, работы. Да мужики по всей стране спивались. И майские, и январские... Ты смотри, даже карту забыла, дурёха.

— Ой, я догоню! — встрепелась медсестра, схватила документы и выскочила из кабинета.

Марина медленно плыла по коридору Женской консультации.

А может Ольга Ивановна и права? Ну не все ж майские мучаются. Наверное. С другой стороны, бабушка была умная опытная женщина, знала, о чём говорит.

— Соловьёва, стой! — Марина обернулась на окрик. К ней спешила медсестра.

— Соловьёва, ну что ж ты, карту забыла? И направления на анализы. — Тяжело дыша, медсестра протянула карту.

— Ой, спасибо. Я совсем рассеянная стала, — женщина взялась за карту, но медсестра почему-то не выпускала её из рук. Марина с недоумением подняла глаза.

— Слушай, Соловьёва, — нерешительно начала медсестра, — ты на Ивановну не обижайся. Врачи они все такие: только в свою науку и верят. Но народные приметы не с потолка ж взялись. Это мудрость! Люди веками жили и подмечали всякое. Так что правильно ты переживаешь. Но я тебе помогу. Есть способы ребёночка поторопить: ты ходи побольше, дома уборку затей. Чаёк малиновый заваривай. Но самое лучшее средство — в постели с мужем. Пусть он тебе массаж с маслом сделает, ну а потом и долг супружеский выполнит.

Марина впитывала каждое слово. Но услышав про супружеский долг, покраснела и прикусила губу.

— Спасибо, — пискнула она, выхватила карту и поспешила на улицу.

Две следующие недели Марина исправно драила квартиру, гуляла в парке и пила малиновый отвар. Она даже попыталась соблазнить мужа. Но он не поддался, только назвал «милым бегемотиком». Марина хотела обидеться, но, посмотрев в зеркало, передумала. По крайней мере, массаж супруг делал исправно. Конец апреля неумолимо приближался.

— Мариш, ну как ты?

Муж заботливо разминал отёкшие Маринины ноги.

— Завтра 1 мая, а он всё не хочет вылезать. Как будто не понимает, чем ему это грозит! — Марина погладила живот и обиженно надула губы.

— Да ладно тебе! Главное, что наш малыш здоров, так ведь? — муж поцеловал её огромный живот. — Принести тебе чай?

— Угу.

На кухне загремели чашки. Марина с грустью посмотрела на календарь: 30 апреля. Прогулки не помогли.

Марина проснулась оттого, что постель промокла. Она откинула одеяло и села на кровати. Пижама противно прилипла к ногам.

— Вот только недержания мне ещё не хватало! — женщина встала переодеться, как вдруг до неё дошло. — Ой! Миша!

Марина яростно затрясла мужа за плечо.

Миша вскочил и испуганно уставился на жену:

— Мариша?! Что случилось? Живот болит? Плохо тебе?!

— Мишка, началось! Заводи машину, может сегодня ещё успею родить!

На часах было 22.30.

— Ну давай, ещё чуть-чуть осталось. Ну же, ну! Всё, закончилась схватка, отдыхай.

Марина в изнеможении откинулась на кресле. Краем глаза она увидела себя в зеркале: лицо покраснелось, покрылось испариной, волосы спутались. Хорошо, Мишу не пустила в родовую. Вот бы он испугался.

— Ну, Марина, давай. Ещё одна схваточка!

— Ммммаа-мооо-чкаааа! — что есть силы закричала Марина.

— Вот же умница! — акушерка держала в руках ребёнка. Раздался заветный детский крик.

Акушерка улыбнулась:

— Поздравляю, мамаша, у вас мальчик! Подарок вам на 1 мая.

Марина посмотрела на часы: 00.02.

— Ну, малыш, иди знакомиться с мамой, — акушерка поднесла ребёнка и положила его на грудь новоиспечённой мамочки. Слёзы потекли из глаз. Марина обхватила ладонями сына.

— Ну что, Феденька, придётся нам с тобой рушить суеверия!

Она была счастлива.

Леська

Ольга Гузова @mardashkova

Часть первая

Из-за леса на небо только просочились розовые полосы, а хороводница начала песню:

*— Здравствуй, красно солнышко!
Празднуй, ясное вёдрышко!
Из-за гор-горы выкатайся,
На светел мир воздивуйся!*

Леська вострепелась и подхватила заклинание:

*— Зоренька гуляла, ключ потеряла,
Я, Олеся, золот ключ нашла,
Душу замыкаю доброго молодца Горислава
На долгие вёсны...*

Почти год родственники величали Горислава и Леську женихом и невестой, дары на свадьбу готовили.

Имя избранника назвала ведьма, когда Леськина мать пошла к ней за лечением.

Захворала матушка ещё прошлой осенью. Поначалу сама себе коренья и травы варила, да легче не становилось. Отправилась она за здоровьем на болота.

Поговаривали, что баба и душу свою колдунье предлагала — за Леську радела, чтобы замуж кровиночку выдать, но ведьма не взяла. А, может, и взяла, никто уж не узнает.

Утешила только, что свадьбе быть в октябре, как раз на Покров. А, значит, на эту Красную горку в мае, её должен был засватать Горислав.

В этом году весна выдалась поздняя. Молодые в который раз зазывали тепло, народ приготовился к посевной, а солнце никак не согревало землю. Снег только сошёл.

Леся обогнула костёр, жар которого после ночных гуляний понемногу утихал, и увидела суженного. Он с другими парнями шептал мужское заклинание.

Леська, прижав к груди крашеное яичко и хлебец, вытаращила глаза и следила за губами Горислава.

— ... душу замыкая девицы Василины...

Крашенка выпала из девичьих рук и покатилась под гору. Леська дёрнулась нерасторопно, да расписного яйца в молодом весеннем тумане и след простыл.

Леся замешкалась на мгновение, махнув рукой на пропажу, и снова глянула на возлюбленного.

Он уже вручил дары Василине, а та с радостью их разглядывала.

Полено в костре треснуло, выпустив в светлое небо вереницу раскалённых крупинок.

Понеслась Леська стремглав с лесной опушки куда глаза глядят, лишь бы этого супостата не видели.

Долго металась, перепрыгивая через суходолы да бурелом. Слёзы ручьём лились и глаза застили.

Запыхавшись, бухнулась девка на землю и сразу почувствовала как намокли колени. Тут она и разглядела, что вокруг мох, который недавно проснулся после зимней спячки, да осоковые кочки торчат.

Сердце молодое дрогнуло.

— Горислав! — позвала Леська наречённого жениха. — Гоооор!

Болотный мох проглотил девичий зов, сохраняя спокойствие своих обитателей. Разве что выдра уронила утиные перья, что в такой ранний час волокла в нору.

Леся оглянулась, соображая с какой стороны света попала сюда. Сквозь густой туман видела только набухшие почки корявых берёз да чёрной ольхи. Накрапывал дождь.

Девица нашла подходящую палку и, подобрав подол юбки, оглядела замшелые стволы. Говорят, что мох растёт с южной стороны. Врут, на болоте он со всех сторон.

Разглядев на соседней кочке примятые побеги калужницы, Леська решила, что пришла с того края и прыгнула на маленький островок, зачерпнув болотную жижу. И без того озябшие ноги начали неметь, но Леська стиснув зубы, продолжила путь.

Совсем девка измоталась под вечер, а тут на её голову ещё и дождь обрушился.

— Дажьбог, чем я согрешила? — прокричала она, глядя на серое небо.

Но то ли ответа не было, то ли его проглотила жаба, что проснулась вслед за мхом и весенним туманом.

Леся выдохнула, почувствовав под ногами скользкий, но незыбкий остов, и тут же присела отдохнуть, прислонившись к одному из огромных валунов, что подобно исполинам охраняли потайное место, и прикрыла уставшие веки. Наконец-то по хрупкому телу разлилось тепло.

Часть вторая

Горислав протянул Леське яйцо, а хлеб спрятал за пазуху.

— Если сватаешься, надо всё отдать, — вразумила его Леся, — так положено. А я, коли согласна, свою трапезу тебе предложу. На, держи.

Но Горислав выхватил подаренную Олесе крашенку и побежал, смеясь, к Василине.

Леська вспорхнула, скинула с себя тяжёлое одеяло и чуть не свалилась с деревянной лавки.

— Тише, тише, — ласково прошептал женский голос, — главное, что лихорадки нет, её так просто не выходить. Травку — то с прошлого лета израсходовала почти всю.

Леся медленно обвела глазами тесную хатку. Полумрак мешал разглядеть убранство избы и её хозяйку.

— Мы сейчас тебя в бане напарим и спать уложим, — вещала женщина, поправляя стёганое покрывало, и протянула госте чарку с ароматным отваром, — к утру ты пойдёшь дальше.

Леся привыкла к темноте: рассмотрела нехитрую посуду, ухваты у печи, — на них сушилось её платье, — да венники и букеты пахучие под потолком.

Как громом поражённая, девица посмотрела на хозяйку избы:

— Ты — ведьма?

Женщина развела руками:

— Когда не могу помочь — ведьма. Колдунья, бесовка, если хочешь... А если спасаю кого-то ворожея, знахарка, лекарка, уважаемый человек. Раз про ведьму спрашиваешь, значит, помер у тебя кто-то, а я не помогла?

Леська от ярости вскрикнула:

— Змея ты подколодная! Видела я камни на подходе! Это же сколько душ загубила?

Ведьма пожала плечами:

— А ты поди посчитай. Один камень ты почти отогрела — он уже теплее тебя был.

Девка вспыхнула как лучина пересушенная и выкрикнула:

— Мамку мою нарочно сгубила? И про жениха напле-ла!

Хозяйка фыркнула и закатила глаза:

— О, Дажьбог, свалил ты её на мою голову. Мать твоя сама себе срок определила. И ты, если не напаришься, вслед за мамкой пойдёшь. А про жениха скоро всё поймёшь.

Ведьма подхватила широкий тканевый отрез, мешок

с травами и качнула головой, приказывая гостье следовать за ней:

— Ведой меня зовут.

Леська укуталась в покрывале, словно то могло защитить её, и последовала за ведьмой — всё равно дороги обратно она сама не отыщет, а ноги так и не согрелись после ночёвки у камня.

Веда уложила Леську на полок и бросила на каменку ковш кипятка.

Тут же с каменки взмыли клубы белого пара. Леся охнула, испугавшись тёплого тумана, в котором она уже недавно заплутала, и закрыла глаза.

— Кто обидел мою девочку? — спросила Веда.

Леська замерла, глотнула тёплого воздуха, но он как дерновый комок, встрял в горле.

— К маме хочу, — прошептала Леська, смахивая с лица пыль или песок, которые, видимо, принесла с болота.

— Так на Радуницу и положено к покойникам ходить, — ответила женщина, зачерпнула из приготовленного мешочка горсть соли и сушёной крапивы и посыпала ею девичий живот.

Леська вдохнула запах травы и оказалась на деревенском кладбище.

На краю погоста стояли души, высматривая прохожих. Одни печально разворачивались, не дождавшись гостей, а другие, как Леськина мать, радовались, что их помнят и почитают.

— Мамочка! — Леся увидела мать, побежала было навстречу, но ведьма удержала девку.

Леська слёзы вытерла и подивилась: мамка её совсем не плакала на том свете, будто не скучала. Стояла да улыбалась.

— Мама, я скучаю... — только и вымолвила Леся, глотая горькие слёзы.

— Так надо, — любуясь дочерью, мама прижала одну руку к груди, а другую протянула ей.

— Правда, что ты сама помереть решила? — спросила Леська, оглядываясь на ведьму, которая крепко держала её за руку.

— Правда, — кивнула покойница. — Только при той жизни забыла об этом, а в этой вспомнила. Мы все всё знаем заранее. И ты знала, что доколе я рядом буду, толку из тебя не выйдет. Какая ты была дочка воеводы? Капризная, пугливая, что дитя малое. Такая народ не поднимет. А теперь посмотри: год не миновал, а ведьмой помыкаешь.

Веда хмыкнула и кивнула. Над пригорком гаркнул ворон.

— Кто обидел мою девочку? — ласково спросила матушка, и вопрос разлился в груди тёплым киселём.

Мама растворилась среди белых крестов, а Леся очнулась на банном полоке.

Веда только и успела отскочить, как девка разревелась, а на деревянный пол вместо слёз посыпались камешки, застревая в половых щелях.

Веда погладила Лесю по головушке, ручкам, ножкам, а та всхлипнула в который раз и как заголосила что было мочи, отпуская обиды, печали да тревоги.

— Веда, я всё равно не пойму таких уговоров. Как мы могли договориться, что она так рано умрёт? — выплакавшись, прошептала она.

— А ты не торопись. Всему своё время, — Веда умыла Лесю прохладной водой и помогла сесть. — Сейчас отправляйся почивать, а утром домой пойдёшь.

Пока ведьма спозаранку возилась со снедью, Леся юркнула в баню, подобрала с пола несколько камней, чтобы показать отцу, и спрятала их за пазухой. Он уж точно разгадает тайну этих камушков и уличит Веду во лжи.

— Зимние и летние боги тебе в помощь, — уже у знакомого камня благословила ведьма девушку и вручила

узелок с краюхой хлеба и варёными яйцами. — Поди прочь.

Осторожно ступая по мощёной стёжке вдоль болота, Леся разглядела, что каменных исполинов, которые плотной стеной охраняли ведьмино жилище, было куда больше, чем она видела ночью.

Чем дальше она отходила от избышки, тем тяжелее казалась ноша за пазухой, и тем меньше по величине встречались камни.

— Красавица, третий день еду в Миргород. Верной дорогой?

Леся вздрогнула, когда с ней поравнялся крепкий богатырь на вороном коне, и кивнула.

— Давай подвезу, а ты мне путь укажешь.

Боязно было приближаться к чужестранцу, но дочка воеводы всё-таки решила проводить гостя, чтобы вывести его планы. Она ловко вскочила на коня и обхватила богатырскую спину.

— А нет маковой росинки какой? — осведомился парень, оглядываясь на путницу.

Леся кивнула и полезла в котомку. В этот момент припрятанные за пазухой камни посыпались на землю. Еле удержала только последний, но самый большой и тяжёлый.

— Держи, — процедила раздосадованная красавица, протягивая первое, что попало в котомке — яйцо.

— Ого! — засмеялся наездник, — а хлебушка у тебя нет?

Леся выудила краюшку и тоже протянула парню.

— А ты словно меня сватаешь! Надо сообразить ответочку.

Только сейчас Олеся заметила, что вручила парню не простое яйцо, а заклинательную крашенку, точь-в-точь похожую на ту, что вчера потеряла на гуляниях. Она обомлела и дёрнулась, стараясь выхватить крашенку, но парень, поддразнивая, лишь весело засмеялся и пришпорил коня, рассматривая яйцо.

Леся, чтобы не свалиться, схватила его кафтан покрепче и выпалила:

— Я замуж не собираюсь!

— А я и не зову, — он снова оглянулся и хлестнул коня. — Больно ты с притязаниями на меня смотришь. Величать тебя как?

— Олеся, — буркнула девушка.

— А меня Горислав.

Олеся захохотала.

— Имени что ли не слыхала такого? — удивился странник нахохлившись.

— Не слыхала, — соврала девка и вытрясла из-за пазухи последний камень.

Первый день мая

Ирина Данилкина @irinadan2019

Часть первая

— Май! Май! Майка, да где ты, твою мать?! Иди глянь, там на столе было...

Полумрак раннего утра таял в свете тусклой лампочки. В углу на продавленном диване кто-то громко храпел. Запах мочи перебивал вонь старого ковра под ногами.

Руки у матери тряслись, как всегда, с похмелья, ноги почти не ходили. Майя, стараясь не поднимать головы, протянула ей бутылку с мутным осадком. Тяжёлая затрещина отбросила девочку на середину комнаты.

— Да тут на дне только! Куда остальное дела, дрянь ты мелкая? Вылила, небось, или сама... Убью!

Мать приложилась к бутылке и, громко икнув, снова завалилась на диван.

Прилипнув носом к окну, девочка увидела нарядных людей, которые весело смеялись, собирались в группы и шли по улице, громко распевая песни. Ветки сирени, воздушные шары и банты смешались в пёстрой, говорливой атмосфере праздника.

«Мир! Труд! Май!» — флаги и яркие транспаранты бросали алый отблеск на стекло.

Майя никогда не любила этот день.

Праздник весны, песен и флагов.

День её рождения.

Отца своего Майя не помнила. Мать говорила, что он уехал на заработки, да так и не вернулся. Мама работала

в больнице. Вначале медсестрой, потом санитаркой. Пока и оттуда не выгнали за пьянку.

Майе было почти восемь, когда мать отправили на лечение, а её — в детский дом.

В детском доме было тепло и всегда кормили. В начале Майя с удивлением трогала новое платье и бант, каждый вечер пряча куски хлеба под подушку. Потом привыкла, из тростинки с огромными серыми глазами превратилась в пухленькую милашку с двумя смешными косичками и кудрявой чёлкой.

Только дети её недолюбливали.

Однажды Зина из старшей группы даже плюнула в лицо:

— За то, что мать родную не любишь! У меня хоть какая была, я бы к ней на коленках поползла! А ты за кусок хлеба продала, да за платье казённое, дура!

Майя вытерла щёку и сквозь слёзы прошептала:

— Она меня била, и есть не давала. Бутылки собирать заставляла и сдавать, а деньги — на водку. Я в школу пошла, туфли с дырками были. Девчонки смеялись и дразнили. Потом она и платье пропила школьное и портфель.

Вдруг Майя вскинула голову и крикнула, резко ударив Зину кулаком прямо в нос:

— Какая она мне мать?! Убить её мало!

Зина плюхнулась на пол, растирая по лицу красные сопли:

— Дура и есть. Она хоть у тебя живая и отсюда забрать может...

Мать забрала Майю через два года. Как раз под Первомай. Приехала в красном платке с ромашками, на удивление тихая и трезвая. Отдала бумаги заведующей, собрала нехитрые детские пожитки. Оставив большой кулёк семечек детдомовским, сунула дочке несколько карамелек и повела к автобусной остановке.

В воздухе стоял дурманящий запах сирени.

Майя сосала конфету, искоса глядя на мать, красивую и помолодевшую, в городском платье. Та шла неторопливо, рассказывая как лечилась, как хотела забрать дочь ещё год назад, но врачи не выпускали. И разрешили только сейчас, потому что она совсем выздоровела. Уже больше года не пьёт и нашла работу в районной больнице. Пока они будут жить в городе, у тёти Оли, чтобы матери поближе к работе. А осенью Майя пойдёт в школу и...

Слёзы ручьём потекли по щекам, карамелька упала в песок. Руки девочки крепко обхватили мамину шею:

— Мама, мамочка, прости! Я им говорила, что ты плохая, это со зла! Мама моя! Я знала, знала, что ты меня заберёшь!

Я тебе всегда помогать буду, я на коленях... Ты только не пей больше! Ты же не будешь? — последние слова Майя прошептала совсем тихо, глядя матери в глаза. Словно боялась спугнуть долгожданное счастье.

Мать замолчала, опустила голову, вытирая мокрые глаза краем ромашкового платка. Только руки вдруг сжались и задрожали, как тогда.

— Конечно, доченька, как же я могу теперь? Столько трудов положила, столько порогов обивала, чтобы тебя вернуть. Сейчас в магазин зайдём, еды купим, чтоб к сестре не с пустыми руками. И день рождения твой заодно отметим. Подожди здесь, я скоро!

Майя сорвала ветку сирени, вдохнула свежий аромат. Матери не было довольно долго, но она готова была ждать до самого вечера.

Это был самый счастливый день рождения!

Наконец мать вышла из магазина с сумками, набитыми продуктами.

Из одной авоськи предательски торчали два узких бутылочных горлышка.

Часть вторая

Весна выдалась холодной и на редкость дождливой.

Майя смотрела в окно на редкие снежинки, кружащиеся в воздухе и вздыхала.

«Холод какой! И не скажешь, что завтра первое мая. Хорошо хоть Кольке лёгкую куртку можно пока не покупать, в зимней ходит.»

Сыну Коле было одиннадцать и рос он очень быстро.

Хлопнула входная дверь, в коридоре что-то упало. Майя услышала громкий, матерящийся бас.

По голосу сразу всё поняла, и знакомая тоска тисками сжала сердце.

Ваня вошёл в кухню, пошатываясь. Крепкий запах спиртного вперемижку и сытный дух лука и шашлыка перебил дымок жареной картошки, начинающей тлеть на сковороде.

— Перрррвомай там это... отмечали с ребятами. И получку тоже раньше дали. На праздники чтобы. Ну, это, конечно, Михалыч постарался. И я в долгу не остался, угостил, мировой мужик же! Майка, и про тебя не забыл. Тут, где же... сейчас.., — муж, едва не упав, вытащил из-за пазухи памятную гвоздику.

У Майи потемнело в глазах. Ваня всегда гулял широко и сейчас от его зарплаты вряд ли что-то осталось. И соседи сказали, что больше в долг не дадут!

Майя тяжело выдохнула, пытаясь успокоиться. Но сердце стучало всё громче и громче, поднимая кипящую волну гнева.

Колина куртка, остатки картошки, рваные сапоги, безденежье и квартирные долги смешались в один воющий клубок.

Майя закричала, как не кричала за все двенадцать лет их совместной жизни. Чёрно-кровавая пелена заволокла окно. Только её руки, казалось, жили своей жизнью.

Тук, тук, чвак!

Хриплый крик боли был недолгим. Когда туман рассеялся, женщина увидела лужи крови и мужа, беспомощно лежащего на полу.

— Ты такая же... как мать твоя... стерва.., — просипел он, прижимая рукой рану на голове.

Молоток ещё раз взлетел и опустился.

Чвак!

Ванино лицо превратилось в кровавое месиво.

Пелена вновь заволокла глаза, милосердно отпуская Майю в глубины небытия.

Мать снова начала пить. Первомайское застолье плавно перешло в обмывание первой зарплаты, а потом и нового учебного года. Хотя в школу Майя всё же пошла — тётя Оля купила ей платье, портфель, тетради и новые туфли.

После первого сентября мать держалась месяц и ушла в запой. На этот раз, надолго. С работы её выгнали, и она стала потихоньку пропивать вещи сестры. Та хоть и жалела Майю, но вскоре указала обеим на дверь.

Так они и оказались в этом бараке.

«Никогда ни у кого ничего не просите, сами предложат, и сами всё дадут», — соседский телевизор бубнил в ухо. Комната-каморка с тонкими стенами, два стула и кровать. Это и был её тесный мирок.

Мать всё чаще пропадала где-то, возвращалась под утро и валилась на кровать, сразу засыпая мертвецким сном. Майя пыталась обустроить скудный быт, но без толку.

Иногда приходили из опеки, угрожая забрать девочку в детский дом. Но матери не было, а она хорошо научилась прятаться. В детский дом Майя больше не хотела.

Так прошло несколько лет, пока в бараке не появился Ваня.

Весёлый, шумный паренёк пришёл, казалось, из другой жизни. Его мать, Нина, растила сына одна, стараясь

дать самое лучшее. И девочку частенько кормила настоящим обедом.

Это было время, когда Майя научилась улыбаться.

Мать почти не появлялась. Спустя какое-то время её и вовсе нашли замёрзшей в старом подвале на окраине.

Майе было восемнадцать, когда они с Иваном поженились. Он устроился слесарем, зарабатывал неплохо.

Потом родился Колька. Увидев розовый, пухлощёкий комочек, вдохнув нежный, молочный запах, Майя дала себе слово, что никогда не обидит сына.

Ваня любил шумные компании, посиделки за столом — широкие, полуночные. И вскоре он запил. Почти каждую получку муж приходил домой с пустыми карманами. Майя устроилась уборщицей, какое-то время они так перебивались.

Но долгов становилось всё больше, а надежды всё меньше.

Пока не наступил этот самый день.

Туман рассеялся, и Майя увидела кухню с огромной тёмно-бурой маслянистой лужей на полу. Зубы женщины выбивали частую дробь. Стараясь не смотреть на то, что раньше было Ваней, Майя быстро скинула запачканную кровью одежду и постояла полчаса под тёплым душем. Наконец, озноб прошёл.

«Хорошо, что Коля сегодня у бабушки,» — подумала она полусонно.

Вдруг сон как рукой сняло: свекровь должна была привезти внука как раз сейчас, завтра её клали на обследование.

«Надо что-то придумать, нельзя пускать сюда тётю Ни-ну. А Колька? Как же он? Он не переживёт!» — мысли билась в голове частым пульсом.

Майя вытерлась, накинула на плечи куртку и выскочила на улицу.

Стоял поздний, тёплый вечер.

На лавочке у подъезда Майя с удивлением увидела со-

седскую старушку — Зою Ивановну. Поздоровалась, рухнула на край лавочки. Руки дрожали, не давая прикурить сигарету.

— Сына встречать, Маечка? — соседка ласково улыбнулась.

— Хороший он мальчик, Коленька, добрый. Да и Ваня неплохой. Пить бы только бросил. А я вот сына жду, за мной приехать скоро должен, к себе забрать.

— Зоя Ивановна, что так поздно-то? Ночь на дворе, завтра бы лучше. И вещи собрать успели бы, а то налегке совсем.

Соседка внимательно посмотрела на Майю и махнула рукой.

— Да там есть уже всё, давно собралась. На тебе, я смотрю, лица нет. Случилось что? Слышала, шумели вы с Иваном-то.

Майя хотела было ответить, но слёзы, давно поступавшие к горлу, наконец прорвали вязкую пелену. Уткнувшись в соседское плечо, она содрогалась от рыданий.

Зоя Ивановна не отстранилась, лишь ласково гладила Майю по голове прохладными пахнущими ладаном пальцами. Удивительное спокойствие вдруг охватило женщину.

— Это ты правильно, поплачь, доченька. Обида чёрная из тебя выходит. И маму свою прости. Знала я Томку, несчастная судьба у неё сложилась. Родители померли, одна осталась. Слабая была, оттого и горе вином заливала. Знаю, как тяжело и тебе было, Маечка. Да только злобу не копи, прости. Глядишь, и жизнь другой станет.

Майя почувствовала, как что-то страшное, как паук вцепившееся прямо в сердце, вдруг стало потихоньку уходить.

Она вспомнила, как мать пела ей колыбельные и поправляла одеяло. Как гуляли в лесу, а потом играли в большой красный мяч. И маленького котёнка, который когда жил в их доме. Как давно это было и всё же...

— Надо бы на могилу к матери съездить, — неожиданно для самой себя произнесла Майя. — Ни разу не была, не по-людски так.

Соседка одобряюще улыбнулась.

— Вот и умница, что сердце открыла, Маечка. Съездишь, обязательно съездишь. И мужичков своих захвати, пусть могилке поклонятся.

Да вон они, уже подъезжают!

Зоя Ивановна встала со скамейки, поправила шаль и помахав кому-то рукой, медленно пошла к дороге.

— Сын за мной приехал, пора! Ребятам твоим привет от нас передавай. Береги их, Маечка, и зла не держи.

Старушка скрылась в темноте, и на Майю вновь накатилла беспробудная тоска.

— Что же теперь будет? Ваня, Ванечка, как же я могла? Прости, прости меня! — женщина тихо заплакала.

Шум мотора отвлек её от раздумий. Хлопнула дверца машины и Майя, не веря своим ушам, услышала знакомые голоса.

Это были Коля и ...Иван.

Муж с сыном подошли к подъезду и удивлённо посмотрели на неё.

— Мам, ты чего? Папа же меня забирал, ты забыла? — сказал Коля.

— Зоя Ивановна сказала, что приедете, а я и не поверила. Погоди, так у нас же машины нет, — пролепетала Майя.

Ванины глаза расширились.

— Май, да ты что? Почему это нет? Уж лет десять катаемся. С тех пор как я... ну... не пью, в общем. Какая Зоя Ивановна — соседка наша что ли? Так она же вчера умерла! Сына год назад похоронила, с тех пор и сама всё болела, а вчера вот...

Майя бросилась на шею Ване, шепча бессвязные слова прощения.

Иван вынул из-за пазухи и протянул жене смятый букет незабудок.

— Я... это... с Первомаем тебя, Маечка! С Днём рождения!

Сердце Майи взлетело от счастья к самым облаками.
Теперь она точно знала, что будет дальше.

Трактор, который мечтал стать самолётом

Оксана Мельник @melnik1570

Часть первая

В одном тихом и уютном местечке, неподалёку от берега моря, среди невысоких домиков, утопающих в абрикосовых и сливовых деревьях, жил-был трактор. Размера он был небольшого, характера покладистого, голоса мягкого, урчащего из старенького поношенного двигателя. Трактор очень давно жил в этом мире и многое повидал на своём веку. Когда-то работал он на душистом пшеничном поле, но сильно поизносился и был списан, как устаревший.

С тех пор трактор попал к новому хозяину. Всю зиму он мирно спал около заборчика, а с приходом весны просыпался и приступал к своим обязанностям. Нужно было помогать по хозяйству да веселить своим громким тарахтением приехавших на отдых к морю детишек. Трактор решили покрасить в синий цвет, и от этого он стал выглядеть очень забавно.

И вот однажды произошла с трактором такая удивительная история. Случилось это примерно в конце апреля, когда абрикосы и сливы благоухали наперебой белоснежными гроздьями малюсеньких цветочков. В гости к хозяину приехали друзья с детьми отпраздновать Первоймай.

У трактора было много работы. Надо было навозить воды для столовой и прачечной, потом полить все дере-

вья. Проезжая мимо ребят, он весело урчал и заметил, как один из мальчишек внимательно наблюдал за ним.

На другой день случилось то, чего никто не ожидал. Мальчик подошёл к отцу и сказал:

— Папа, посмотри, все дома украшены флагами и шарами. Все готовы к Первомаю. И только синий трактор выглядит совсем грустно.

— Ты можешь украсить его тоже, — ответил отец.

И мальчик пошёл украшать трактор. Он вставил по бокам в специальные отверстия на крыше маленькие флажки, а на заднее стекло наклеил фотографию военного самолёта.

Когда наступила ночь, и все разошлись по своим домам, трактор, освещаемый ярким лунным светом, весь искрился от счастья. Ведь он никогда не встречал Первомай таким красивым.

Часть вторая

На следующий день наступило Первое мая! Все радовались, громко кричали «Мир, труд, май» и пели разные весёлые песни.

Вдруг в воздухе послышался гул истребителей — военных самолётов. Их было два и летели они близко друг к другу. Все знали, что неподалёку находится военная база, и лётчики отрабатывают свои навыки, а в праздники совершают показательные выступления.

— Ура! Ура! Ура! — закричала детвора, подбрасывая вверх панамки.

— Папа, смотри! Такой же самолёт у трактора на заднем стекле. Это я наклеил вчера! — крикнул мальчик и побежал с остальными ребятами играть с мячом.

А самолёты продолжили свой полёт. Они взмывали ввысь, оставляя след в виде двух тонких линий, и разлета-

лись в стороны, рисуя в небе причудливый узор. Они пикировали вниз, почти до самой земли и резко выравнивали курс. Заходя на очередной круг, самолёты спускались всё ниже и ниже над землёй.

— Смотри-ка! Какой смешной синий трактор с наклейкой на заднем стекле, — сказал один из лётчиков.

— Наверное, мечтает стать самолётом и взмыть в небо стрелой, как мечтали мы мальчишками, — ответил другой.

Самолёты сделали последний круг, махнули крыльями и улетели.

Часть третья

Радостно и весело было у всех на душе, ведь с Первомаем всегда приходит солнце, весна, тепло и счастье.

И только синий трактор немного грустил. Он вдруг так захотел оторваться от земли и взмыть под облака! Туда, где яркие лучи солнца обжигают, а ветер со свистом разносит по небу потоки проливных дождей. Туда, где безграничен простор и узкой полоской сливается небосвод с землёй. Так старенький трактор стоял у заборчика и мечтал. А вокруг гудел, разносился звонким эхом на просторах побережья весёлый Первомай. Когда же последние лучи заходящего солнца утонули в густой перине белых облаков, и на небе тонкой паутиной рассыпались яркие южные звёзды, сник детский лепет и гул праздника. Все разошлись по домам и уснули крепким, безмятежным сном. Все, кроме трактора, который глядел своими огромными фарами в звёздное небо и ждал, когда же упадёт хотя бы одна звезда. Ведь когда падает звезда, и ты успеваешь загадать желание, оно обязательно сбудется! Старенький синий трактор мечтал стать самолётом...

Четыре подковы

Элла Чак @ellabookwriter

У деревьев остановилась девочка с ведёрком грибов. Задрав голову, она рассматривала берёзы.

— Мама, смотри, подковы. Целых четыре! А зачем?

— Такая традиция, дочка. Вешать подковы на счастье. Здесь, наверное, какое-то волшебное место, — обогнув берёзы, женщина свернула с тропы.

— Посмотри, какая красивая поляна! Надо нашему папе рассказать и обязательно вернуться на майские.

Она оглянулась на застывшую возле деревьев девочку:

— Наташа, не отставай!

Сегодня Наташа узнала, что подковы приносят счастье.

В берёзовой роще возле мелкого песчаного берега реки скрыта поляна. Старожилы с незапамятных времён прозвали её «Четыре подковы». За отдых в волшебном по красоте местечке с приходом сезона вступали в борьбу городские любители походов, шашлыков и природы.

Потаённый уголок леса настолько удивительный, чистый и солнечный, что занимали его загодя. Чуть ли не с ночи. Отдыхающим не терпелось заполучить крытую беседку с массивным столом и лавками. Вкрученные крепления для гамака и волейбольной сетки. Выложенное камнем кострище.

Навесной канатный мост над речкой с деревянными балками и верёвочными перилами украшал всеми желанную площадку для майских шашлыков. Будто не дикое место, а база отдыха валютного пансионата.

Городских не пугали страшные истории, что пересказывали деревенские. О трагедиях, случившихся на таинственной поляне. Про гибель свадебной процессии. Мол приехали фотографии к реке делать, да утонули, перевернувшись на лодке. Невесту с женихом и свидетелей затянуло подводным течением на дно. Их раздутые тела нашли у бобровой плотины спустя месяц.

Судачили об охотниках, случайно пострелявших друг друга. Про отравившихся насмерть грибников и о сгинувшей в лесу детсадовской группе.

— Байки тётушки Агафьи! — выходили из местного магазина туристы, закупившись углями для мангала, — чего только не придумают, лишь бы городские их поляну не занимали!

Наташа Жукова сидела на стуле в проходе между партами. Она зашнуровывала кроссовок и рассказывала друзьям про поляну. Вчера отец подсказал отличную идею, где школьники могут провести майский выходной. Ближе к экзаменам времени на отдых не останется. К тому же после девятого класса половина учеников поступит в медицинские или военные училища.

— Речка в двух шагах, а над ней мост с канатными перилами! — описывала Наташа поляну, — до магазина километр. Купим тяжёлые напитки там. Из дома повезём сосиски, шампурсы, термосы, печенье с конфетами. Только решайте быстрее, пока её не заняли!

За упавшей занавесью чёрной копны волос она не видела, как её лучшая подруга Поля Лифанова макает палец в крошку мела, делая набросок профиля Уголькова Борьки.

— Ничего себе... — уставился на рисунок Артём Голубев, — красиво рисуешь!

— Да ладно тебе прикалываться, — покраснела от смущения Полина.

Она поспешила стереть локтем набросок, пока его не заметил Угольков. Высокий парень со взлохмаченной рыжей шевелюрой забрался на тумбу с раковиной возле стола для химических опытов. Он резался в тетрис и не обращал внимания на Лифанову. Уже девять лет, начиная с первого класса, не обращал.

Списывал, забирал в столовке компот, отдавал в конце года учебники, чтобы Поля стёрла хулиганские рисунки. Всё это Угольков совершал с разрешения одноклассницы. Девочка предлагала и списать, и компот, и с радостью тащила его ранец до дома лишь бы присоединиться к делам Бориса. Если нет взаимности, то пусть останется хотя бы её потребность.

Больше прочих в нюансы безответной любви была посвящена Наташа Жукова.

— Поль, зачем тебе розовые колготки? В школу такие нельзя, — отговаривала она подругу от покупки. Ещё пришлось набраться смелости и зайти в люксовый бутик, где каждая пара стоила, как десять обычных.

— Боря мне постер показывал. На певице как раз такие были. И джинсовая юбка с вывернутыми карманами!

— Ты не начнёшь ему нравиться из-за колготок. Зачем копируешь кого-то?

— Чтобы он заметил меня! Я ради него только и живу!

— Дурочка ты... Он — хулиган, и использует тебя ради оценок. Все это знают.

Вчера на биологии Жукова видела, как Борька отвлёкся от тетриса и шептал что-то на ухо розовощёкой Полине. Небось какую-нибудь пошлость про расчленёнку, о которой ему отец милиционер частенько рассказывал. Довольная Поля внимательно слушала, повторяя в мыслях: «он со мной говорит! Ему со мной интересно!»

Если бы не Полина, на которую Борис лениво кивнул в день школьной линейки, отпрыска Уголькова старшего оставили на второй год минимум четырежды.

— Доброго вам дня, гражданка Жукова! — подошёл к девушке мужчина в военном мундире. — Благодаря вам мой обалдуй до сих пор не вылетел! — протянув руку, отец Борьки пожал холодную, но сильную ладошку. — Я помощи не забываю. Случись чего, сразу звони! Застрелят там кого в семье, машина переедет и кишки вокруг столба трижды намотаются. Мобильник есть? Вот и славно!

— Пасиба... — проямлила она, представляя, как семью наматывает вокруг столба.

— Эй, народ! — возвращала внимание одноклассников Наташа, — вы согласны с поляной? Я в тех краях каждые майские провожу!

— Нужны разрешения от родителей, — предложил Артём Голубев, делая записи в блокноте.

— Тёма, обзвони всех побыстрее! Первое мая послезавтра. Нет времени.

...Нет времени. Сколько времени нужно подростку, когда впереди целая жизнь, длиною в вечность. Иногда Наташа представляла себя восемнадцатилетней студенткой, а когда-нибудь ей исполнится целых тридцать.

Первого мая перед выходом из дома Наташа отмахнулась от зеркала: «Тридцать... ерунда какая... Вот бы навсегда остаться пятнадцатилетней!»

Трёх одноклассникам родители разрешения не подписали. Остальные, зевая и ёжась, ранним воскресным утром толпились на платформе станции Расторгуево. В руках пакеты с едой, ракетки для бадминтона, завёрнутые в газету шампury. Ради спокойствия взрослых с учениками отправились классная руководительница Дарья Михайловна и физрук Вадим Анатольевич. Он отлично организовывал спортивные игры и умел занять подростков делом.

— Милана, три шага от края платформы! Рудько, ну какой туалет!? Электричка подходит! Валя, сфотографируешь на пикнике, не трать плёнку!

Голос классной охрип от поучений. Как только подопечные расселись в вагоне, Дарья Михайловна укуталась в шарф и погрузилась в чтение детективного романа, не обращая внимания на взбудораженных поездкой учеников.

Борис подмигнул дружбану Косте Лавочкину:

— Говорил «Достану»! — расшнуровал он тесёмку рюкзака и продемонстрировал трофеем парню напротив.

— У отца стащил? А если заметит?

— Никогда не замечал и сейчас пронесёт! Сорок градусов, не фуфлю какое-то. Тебя, Костян, точно скрючит!

— Не дождёшься, — обернулся он на физрука, — а если Анатолич запах учует?

— Бздишь!? Дуй к этим, — кивнул Угольников на стайку девочек в повязанных платках, — с убогими тусуйся!

— Не, я с тобой, бро!

Их разговор слушала Полина.

— Она наша, — заметил Борис бегающие по Лифановой взгляды Костяна. Угольников сделал большой глоток коньяка, изо всех сил стараясь не морщиться, — точнее, моя! — расплылись в улыбке тонкие губы.

В желудке потеплело, язык закололо, хотелось прокашляться, но он сдержался. Что совершенно не получилось у Кости. После первого в жизни глотка коньяка парня свернуло пополам. Он свалился с сиденья, делая глубокие вдохи, и застучал руками об пол.

— Угольников!? Что там у вас? — поднялся со своего места физрук.

— Бежим! — рванул сквозь тамбурные двери Угольников, волоча за собой харкающего слюной Костяна.

— Вадим Анатольевич! — перегородила дорогу Лифанова, — кажется, у меня менструация, что делать?

— А?.. Лифанова... у тебя что... — опустил на пассажирское сиденье физрук. Он потирал сморщенный лоб, —

слушай, вон там Дарья Михайловна с книжкой сидит, спроси у неё.

«Она моя... Она моя... Он сказал, МОЯ!..» — шептала мантру Полина, желая навсегда сохранить в памяти голос парня. И бьющий сквозь рыжую чёлку Бориса солнечный луч. И запах сырого пола электрички. И лязг скользящей по рельсам тамбурной двери.

«Вот бы остановить этот момент навечно!.. ОНА МОЯ!»

— Все здесь? Наташа! — звала классная старосту, — ты вышла последней? Посчитай ещё раз. Шестнадцать? Их точно шестнадцать? — суежилась Дарья Михайловна.

В прошлом году на её попечении числились восьмилетки, теперь их заменили ученики вдвое старше. Самой ей было двадцать три и по вечерам, проверив тетрадки, она смотрела диснеевские мультики. Дарья Михайловна понятия не имела учитель она или зритель без права вмешиваться в ход пьесы жизни собственных учеников.

— Семнадцать, — вставил Угольков, толкая локтем Кирилла Вилкина. Убегая от физрука, он видел, как тот зажимает в пустом вагоне Харитонову.

— Плюс один через десять месяцев!

— Десять?.. — не поняла Дарья Михайловна, отталкивая учеников подальше от края платформы.

— Через девять, — шепнула Полина, заметив, как разволновалась Харитонова.

Другие девочки недолюбливали слишком грудастую, слишком популярную среди старшеклассников ученицу. Вокруг неё всегда крутились парни. Она получала больше всех тайных «валентинок» в День влюблённых. Правда, как-то раз из такой открытки выпал серебристый квадратик, да ещё посреди урока. Некоторые девочки не поняли, что это и почему мальчишки покатываются со смеху.

На физкультуру Харитонову всегда приходила в лосинах и топах с длинным рукавом, а переодевалась в туалете отдельно ото всех.

Полина случайно застала её возле подоконника в уборной. Она увидела бёдра девушки в тонких полосках и тугих шрамах, торчащих горной грядой. Одни успели побледнеть, другие горели красным цветом или коричневой коркой болячек.

Харитонову поспешила натянуть лосины:

— Я на битые стёкла с велика упала...

Позже Полина догадалась: те раны девушка наносила сама, наказывая себя за что-то. Если верить сплетням, за количество парней, с которыми переспала.

Через полчаса Наташа Жукова вывела класс к секретному семейному месту, где много раз отдыхала с родителями. Широкая поляна посреди берёзовой просеки приветствовала гостей мягким утренним светом и щебетанием птиц. С противоположного берега обмельчавшей реки раздавался лесной камертон — пение кукушки.

— Вот бы узнать, когда я умру, — зачитал детскую кричалку Артём, — кукушка, кукушка, лесная подружка! Сколько мне жить? Ответить изволь!

— Ку... тебе остался ноль! — прокуковал ему Угольков под смешки одноклассников. Громче всех хохотала Полина.

Наташа опустила на корточки возле металлического короткого штыря, воткнутого в землю. Рядом лежали чётые ржавые подковы.

— Они будто лет двести под землёй провели, — подняла одну из подков Дарья Михайловна, — тяжёлая.

Жукова обернулась к берёзам:

— Раньше они вон там, на деревьях висели, прибитые к стволам.

— Ребята, все сюда! — позвал физрук. — Это не гембои и денди, а старая народная игра. Ставится невысокий

шест, и участники по очереди бросают подковы. Зацепил — три очка. Коснулся — два. Если возле шеста упала — одно. Хотите попробовать?

— Может, не надо, Вадим Анатольевич... — Наташа вздрогнула от вспышки фотоаппарата Вали. Она отдала физруку подкову, — лучше вернуть их на место.

— Сыграем разок и вернём, Жукова. Кидай первая.

— Нет, я не буду... Их прибили на счастье, а счастьем раскидываться нельзя.

Лучше всех кидать подковы получалось у Артёма и Полины. Те, кто выбывал, приступали к розжигу костра и разбору продуктов.

Спустя сорок минут Тёма с Полиной вышли в импровизированный финал, победу в котором одержала Поля. Прыгая от радости, она смотрела по сторонам, разыскивая Бориса. Неужели он пропустил её триумф? Ведь ради него она старалась быть лучшей! Только бы заметил.

— Сколько прошло времени?... — бросилась она к Артёму, — сколько мы играли?

— Может, час. А что?

Продолжая сжимать подкову, Поля побежала к беседке. Овощи были нарезаны, дымился мятный чай. Её одноклассники уплетали сосиски с кетчупом и хлебом. Уголька за столом не было.

«Куда он делся?.. Как я могла потерять его на целый час!?»

— Не видели Наташу? — спросила Поля.

— На канатный мост пошла. — подсказала Харитоновва.

Развернувшись, Поля побежала вверх по поляне.

— Подожди! — преградил ей путь Тёма. — Пойдём ещё одну партию в подковы сыграем? Давай! Ты просто снайпер!

— Отстань ты с дурацкими подковами!

Поля не замечала, что продолжает сжимать одну из них. Она пыталась обогнуть парня и найти подругу.

— Нет, стой, — схватил Тёма её за рукав куртки. — Не ходи на мост.

— Почему?

На мгновение она почувствовала что-то странное. Её разрывало желание узнать в чём дело, ускорить время или же полностью его отменить, чтобы момент встречи с подругой никогда не наступил.

В центре моста стояли двое. Парочка страстно целовалась.

Жуковой не нравились слюнявые облизывания Уголькова, но голова кружилась от выпитого коньяка и высоты моста над измельчавшей речкой.

Розовый блеск с губ Жуковой размазался штрихами по её скулам.

— Прости... оно само как-то... — отстранилась Наташа от парня, когда заметила уставившуюся на них подругу.

Борис с довольной физиономией оперся спиной о канатные перила и скрестил на груди руки. Верёвки поскрипывали, а деревянные перекладыны под ногами качались из стороны в сторону. Происходящее его забавляло, и он добавил жару.

— Чо ломаешься, Нат! — он перевёл взгляд на Полю, — мы с прошлого лета с Жуковой мутим. И ржём, какая ты тупая и ничего не видишь!

— Но... но ты сказал в электричке... «она моя»... ТЫ ЭТО СКАЗАЛ! — сжала Полина кулак с подковой.

Угольков расхохотался:

— Убогая моя, вот ты кто! И запомни. Ещё раз увижу на тебе розовые колготки, всеку по полной! Нашлась копирка Бейонсе! Ты рожу свою видела? Тебе колготки только на башке носить!

— Закрой рот! — не выдержал Артём. — Это ты убогий, а не она!

— О-па, — наклонил голову Борис, чтобы лучше видеть стоящего за Полиной Голубева.

— Голубец оперился! — оттолкнувшись руками от скрипучих верёвок, Борис пошёл к однокласснику. — А ты её с парнем не попутал, голубчик? У Дятлова сиськи-то больше, чем у этой! Лифанова... не оправдываешь ты свою фамилию. Лифчик поди ни разу в жизни не носила. Чо уставилась, убогая? Я, кстати, сваливаю из десятого. Поступаю в кадетское училище. Точнее, поступил через друга отцовского. А ты была нужна для оценок... Нужник! Вот ты кто! А Наташка, — посмотрел он на Жукову, — она моя!

Лицо Бориса пылало счастьем. «Какой отличный день», — думал он. — «Вот бы не заканчивался!»

Парень жмурился в тёплых майских лучах, когда солнечный диск перегородила чёрная арка. Удар подковы пришёлся в висок. В этом месте расположен нерв, вызывающий долговременный паралич мышц тела. Сердце тоже мышца.

Желание Уголькова исполнилось. Этот день для него не закончится больше никогда.

Угольков кувыркнулся через верёвочные перила. Наташа попыталась удержать падающего сквозь растянувшиеся верёвки одноклассника. Чувствуя, что канаты под ней расходятся, вцепилась в первое, что попало под руку и утянула за собой Артёма.

Три тела упали с высоты тридцати метров на торчащие в мелководье каменные валуны.

Полина смотрела на мёртвых друзей. Она набрала номер отца Уголькова, положила мобильник на доски моста и шагнула.

Четвёртое тело приземлилось на мягкие кости одноклассников. Пальцы Полины разжались, отпуская счастливую подкову.

Все желания и мистические совпадения сбылись.

«Вот бы навсегда остаться пятнадцатилетней!»

«Вот бы остановить этот момент навечно!»

«Вот бы узнать, когда я умру!»

«Какой отличный день, вот бы не заканчивался!»

Эпизод гибели четырёх подростков отнесли к несчастному случаю. Дети потеряли равновесие и упали с ненадёжного моста, на котором порвались канатные перила.

Сухая строка в заключении о смерти гласила: «несчастный случай по неосторожности».

Случай, который никогда не расскажет о юношеских ошибках и опыте взросления. Некоторым родителям и слова такие неизвестны, как «буллинг», «селфхарм», «анорексия». В лучшем случае они оправдывают жалобы переходным возрастом и негативным влиянием интернета, ограничивая доступ к компьютеру. В худшем — ждут, когда дети вырастут и «дурь» сама рассосётся.

— Разве могут пятнадцатилетние подростки резать себя бритвой, доводить травлей одноклассников до самоубийства, страдать пищевыми расстройствами, алкоголизмом или беспорядочными половыми связями? — думают родители. — Они всего лишь милые детки, сорвавшиеся с моста. Будь проклят глава района, который не отремонтировал ветхие канатные перила!

В конце лета отец Наташи Жуковой вернулся на поляну. Возле кострища подобрал три старинные подковы. Четвёртая нашлась у берега в камышах. Жуков много раз слышал рассказы одноклассников и учителей о произошедшем в тот день, видел последнюю фотографию дочери. В руках она держала одну из подков. Одну из тех, что всегда были прибиты к берёзам.

Мужчина вернул все четыре на место. Подвесил к берёзам изгибом вверх, хоть по правилам отворот вниз смотреть должен. Так счастье как бы собирается внутри. Но не для них.

Счастье четырёх семей выпало из подков и разбилось о камни в обмельчавшей речке.

За ненадёжный мост лишением поста и условным сроком ответил глава района.

Во всех людских бедах всегда виноваты чиновники и мистические проклятья.

Возле подков Жуков закрепил табличку с гравировкой: «Не трогайте подковы. Уходите с поляны. Здесь умерло четыре счастья».

Спустя год перед майскими праздниками табличка исчезла. Подковы были готовы исполнить новые четыре желания.

Праздник Весны и Труда

Евгений Каган @keugen44

Володя шёл на завод в приподнятом настроении. Неудивительно. Завтра Первое Мая. Праздник, как говорили прежде, весны и труда. Правда, про труд сегодня стали забывать, но весна-то осталась.

...Завтра, с утра пораньше, они с Ниной поедут на дачу к Андриановым. И по многолетней традиции вся их компания соберётся вместе. В прошлый раз встречались у Киселёвых. В следующий — у них с Ниной. Женщины будут резать салаты, печь пироги, мужчины мариновать мясо, жарить шашлыки.

Разговоров о политике не будет. В последние годы их политические взгляды круто разошлись. И подобные беседы приводили к столь жарким спорам, что женщинам приходилось разводить участников по углам. Если бы не многолетняя дружба и совместные походы, давно бы разбежались.

На политику наложили табу. Прения стали не так интересны, зато намного безопаснее. И завтра будут обсуждать виды на урожай. Андрианов продемонстрирует очередную японскую лебёдку. Расскажет, как он нашёл её где-то в полуразрушенном состоянии и восстановил. Будут говорить о летнем походе по Вуоксе на байдарках.

Когда столы опустеют, уже вечером, в ход пойдут песни шестидесятых.

Ребята пели очень хорошо. Петь с ними Володя любил. Был уверен, что за их басами его никто не слышит, и он мог подпевать в полный голос.

Когда Татка ещё была школьницей, всей компанией вместе с детьми ездили на маёвку в Лемболово. В лесу,

недалеко от станции, было на горке знакомое место, на котором раньше всего сходил снег. Полянка была большая, на ней легко размещалась команда в двадцать человек. Мужчины ставили палатки, таскали воду из протекающей под горкой речки, разводили костры. Женщины готовили праздничный стол.

Но больше всего здесь нравилось детям. Они кувыркали в снегу, которого в лесу было ещё полно. Спускались к речке, пока кто-нибудь из них не падал в воду. Тогда пострадавшего сушили у костра и всей компанией собирали ему сухую одежду.

Чтобы занять детей, устраивали разные соревнования вроде «Папа, мама, я — спортивная семья», играли в волейбол. Дети таскали у взрослых сырую картошку и пекли её в золе.

Вечером все допоздна пели у костра.

Ещё раньше, когда Татка была совсем маленькая, они вдвоём ходили на демонстрации с колонной. От завода до Дворцовой площади путь неблизкий. И хотя большую часть дороги Володя тащил её на руках, она сильно уставала, но всё мужественно выдерживала. Ей нравилась атмосфера праздника. Воздушные шарики, флажки, раскидайчики (кто-нибудь ещё помнит, что это такое?).

А потом, как обязательный ритуал, посещение кафе-мороженое или пышечной.

Однажды, когда Татке было лет восемь, они зашли в чебуречную на Петроградской. И одна из посетительниц налетела на него с криком, что нельзя таких маленьких водить по значным местам. Но Татке так всё нравилось, что Володя не мог ей отказать. Чебуреки они брали на двоих, и он, прежде чем накормить дочь, проверял всё на себе. Кроме того, качество обедов в школьной столовой вряд ли было выше.

Участвовать в демонстрации было почётной обязанностью инженера. На отдел спускали разнарядку, и Володя, как и другие молодые специалисты, шёл в первых рядах, так сказать, по зову сердца.

Рабочим в цехах за это давали отгулы. А тех, кто тащил портрет члена политбюро, премировали на пятёрку, за знамя или транспарант выплачивали десятку.

...Сегодня, по традиции, они праздновали Первое Мая в отделе.

К праздничному столу Володя тащил с собой консервированные огурцы и помидоры.

Охрана на проходной в этот день проверяла всех тщательнее, но к огурцам и помидорам не придирались. Искали спиртное.

Но Володя как человек опытный принёс водку заранее.

...«Кампания по борьбе с алкоголизмом» завершилась пару лет назад не в пользу «Кампании». Алкоголизм выиграл окончательно и бесповоротно.

До этой самой «борьбы» Володя потреблял алкоголь редко. Спиртное в семье покупали только по большим праздникам или к приходу гостей. А потом бутылки с недопитым вином пылились в баре, ожидая следующих праздников.

Всё изменилось, когда начали бороться с алкоголизмом. В домоуправлении каждый месяц каждому члену семьи, и даже младенцам, выдавали талоны на алкоголь.

Теперь у них в баре стояли бутылки, количество которых постоянно увеличивалось.

Водка превратилась в валюту. За восемь поллитровок мужики на даче сварили Володе ёмкость на две тонны воды для полива огорода. А ещё за две сделали стойки и подняли этот резервуар почти на три метра.

Чтобы водка не пропадала, каждую субботу на даче организовывали застолье. А во время отпуска и чаще.

Володя за то время выпил спиртного больше, чем за всю предыдущую жизнь.

...Задумавшись, он прошёл проходную и поднялся в отдел. Первым делом надо было привести в порядок рабочее место. Накануне Первомайских праздников столы должны были быть пустые. Выполнение требования было обязательным для всех без исключения.

Эту процедуру Володя не любил больше всего. За заваленный бумагами стол его всегда ругали коллеги, делали замечания начальники.

Вообще-то, он был человек аккуратный и организованный. Каждое утро, приходя на завод, составлял для себя план на день. Но выполнить его Володе почти никогда не удавалось. Телефонные звонки — то из цеха, то из лаборатории, то из других подразделений — заставляли его вскакивать и бежать. Завод — живой организм и производственные вопросы решать нужно было в первую очередь.

Так документы накапливались. Но в этой куче он ориентировался быстро и безошибочно. После уборки приходилось подолгу искать нужную бумажку.

В прошлом году он не успел убрать все документы. Звонок из цеха сорвал его с места, и в порядок стол приводили коллеги. После этого пропала папка с готовым проектом. Куда она делась, никто не знал. Володе пришлось вечерами и в выходные дни проделать заново расчёты по проекту и собрать все подписи, что оказалось немногим проще. Каждый спрашивал, зачем согласовывать проект ещё раз. И Володя плёл про уточнённые методы расчёта.

Когда всё печатали и разослали, папка нашлась. Кто-то вместо того, чтобы отдать проект в печать, отправил его в архив.

Незаметно подошло обеденное время. Пока Володя разбирал бумаги, молодёжь составила и накрыла столы. Сотрудники, а точнее, сотрудницы, постарались на славу. Всё выглядело аппетитно. Здесь были салаты, мясо, рыба, пироги. Володя положил последнюю стопку бумаг в стол и пересел к остальным сотрудникам, которые ждали только его.

Он поздравил всех с праздником, выпил пятьдесят грамм, успел пару раз ковырнуть вилкой в тарелке, как зазвонил телефон. Его вызывал главный конструктор. Воло-

дя с сожалением направился в приёмную, не представляя, зачем он нужен в такое время.

Оказалось, пришло срочное сообщение из Аргентины. Коля Семёнов, инженер из его отдела, работал там целый месяц и уже должен был вернуться, но вместо этого прислал ходатайство о продлении командировки.

— Хорошо, — Володя пожал плечами, — сейчас поручу подготовить ответ.

— Ты должен сам, — главный отрезал категорично, — командировка у Семёнова заканчивается сегодня. Если телеграмма не уйдёт в ближайшие два часа, возникнут проблемы. И разбираться с ними придётся тебе самому.

Это понимал и Володя. Телеграмму должен был подписать генеральный директор, для этого нужны были визы технического и финансового директоров, начальников соответствующих отделов. А те уже сидели и смотрели в сторону выхода. Как только генеральный уходил с завода, все разбегались.

Володя сочинил текст, попросил секретаря напечатать, получил визу главного конструктора и позвонил главному инженеру. Тот был занят, но секретарь обещала позвонить, как только он освободится.

В отделе пир был в самом разгаре. Володя снова подсел к столу, успел опустошить рюмку. И тут позвонили из приёмной главного инженера, и он помчался за очередной визой. Каждый раз, появляясь в отделе, он только и успевал, что выпить налитое и сразу бежал дальше.

Наконец осталась только подпись генерального директора. Володя помчался в административный корпус. Генерального он застал уже в коридоре, но дорогу ему перегородили охранники. Два здоровых парня выглядели нелепо в пиджаках и галстуках.

Директор завода, на котором работали пятнадцать тысяч человек, не может знать всех, но с Володей он был знаком лично. Когда-то они работали в одном подразделении и ездили вместе в командировки.

Он посмотрел на уже неуверенно стоящего на ногах Володю, сделал знак телохранителям и спросил:

— Какие-то проблемы?

Володя подал ему телеграмму.

Он прочитал её, подошёл к окну, положил бумагу на подоконник и подписал.

— Ты поторопись. Телетайп через пятнадцать минут закроют, — сказал он.

Володя взял телеграмму и помчался отправлять её.

Когда он, наконец, появился в отделе, всё уже закончилось. Столы стояли чистые. Посуду помыли.

Володя сел за своё непривычно прибранное рабочее место. Вместо бумаг на нём стояли четыре банки майонеза и столько же зелёного горошка. Ну, да, это первомайские заказы. За беготнёй про них забыл. Хорош был бы, если бы оставил эти припасы здесь. Без майонеза и горошка и праздник не праздник.

Вставать не хотелось, но в цехах рабочий день закончился и можно, не привлекая к себе внимания, пройти через проходную с толпой. Он сложил банки в сумку, оделся и пошёл домой.

Как добрался, Володя помнил смутно.

Когда вошёл в квартиру, Нина и Татка выскочили в прихожую и удивлённо смотрели на него. Он отдал сумку Нине, сказал, что завтра они всё возьмут с собой на дачу, разделся и прошёл в спальню.

В дверях повернулся и процитировал героя известного литературного произведения: «Жил-был один человек, как-то раз надрызгался он и попросил его не будить».

Утром Нине с большим трудом удалось его поднять. Если бы не врождённое чувство долга, он так бы и не встал с постели. К счастью, дочка презентовала ему бутылочку чешского пива. «Будвайзер» привёл чувства и мысли в порядок. И когда они добрались до Андриановых, он был в почти нормальном состоянии.

Оказалось, что все привезли с собой горошек и майонез. А Валя Андрианова приготовила салаты до приезда гостей.

Потом все увезли свои банки обратно в город. Наверно, это было очень смешно. Но Володя не смеялся.

П.С.:

После праздников, когда Володя вернулся на завод, он так и не вспомнил — отправлял он телеграмму в Аргентину или нет. В компьютере ничего не было. Неудивительно. Текст-то набирала секретарь главного конструктора на своём аппарате.

На всякий случай Володя напечатал телеграмму заново, собрал все нужные визы и подписи, и отправил. Правда, теперь на это ушло три дня. Интересно, что никто и не вспомнил, что этот текст уже подписывал.

Генерального на заводе не было. Его вызвали в Москву, и депешу подписал его заместитель.

Ещё через несколько дней из Аргентины получили телеграмму с единственным вопросом: «С какой целью разрешение на продление прислали повторно?»

На эту Володя отвечать не стал.

Маёвки

Алеся Турбан @alesiaturban

Посреди селения раскинулась круглая поляна, окружённая деревянными избушками. В центре её возвышался столб с колесом на верхушке. Взявшись за руки, девушки в белых одеяниях кружились в хороводе с песней:

Ой, ты, моя матушка, земля, земля.

Ой, ты, моя кровушка, земля, земля.

Поклонюсь тебе я ниже пояса.

Расплету свои я длинные волосы.

Покорюсь я твое-ей волюшке —

Лягу костями в землю в чёрном полюшке.

Зародила матушка моя земля,

На моих костях она плоды дала.

Девушки без устали кружили с самого утра, временами размыкая руки и кланяясь земле, односельчанам, небу и друг другу. Волосы у каждой были сплетены в тугую косу, лежащую меж упругих ягодиц. Длинные белые рубахи тёрлись о землю и путались под босыми ногами у тех, кто был пониже ростом. На груди рубаха расходилась глубоким вырезом, окаймлённым затейливым орнаментом вышивки, оголяющим белые выпуклости юных красавиц. На лицах виднелись улыбки, идущие вразрез с грустными глазами. С виду весёлая пляска была больше похожа на оплакивание судьбы.

Казалось, никто из односельчан не обращал внимания на хоровод — каждый занимался своим делом: кто коров доил, кто детишек гонял. Детвора временами выбегала на площадь с хороводом и пыталась подпевать красави-

цам. Тотчас появлялись краснощёкие мамыши и загоняли сорванцов по домам. Жизнь шла своим чередом под ритуальное песнопение. И только временами кто-то бросал взор в сторону леса.

— Едут! Едут! — закричала ребятня и деревня замерла. Девушки остановили хоровод и устремили взор к лесу.

— Что там? Что видати? — разнеслось над крышами изб.

— Покрасили тряпки в красный! Гляньте, были белыми, стали алыми. Едут с пустыми руками!

И вправду, наездники приблизились, а в их руках отчётливо виднелись платки с пятнами. Мгновенно деревню накрыло надрывным воем. Девушки на площади заволновались. Кто-то упал на землю без чувств, кто-то стал на колени и зашёлся в плаче. В селение прокралось тоскливое ожидание неизбежного.

Вскоре на площади показался староста. Всадники спешили и, склонив головы, подошли к нему.

— Отчего покраснели платки? — строго спросил староста. — Для того ли вас учили охоте и ловле с малолетства, чтоб вы без жертвы прискакали?

— Не виноваты, батюшка, — вызвался говорить самый рослый юноша. — Словили мы девку чужеземную, укутали и повезли домой. А она возьми и издохни по дороге.

— Что ж вы, нелюди, к кобыльему хвосту её привязали, али как?

— Не гневайся, батюшка. Девицу мы бережно везли. Да когда поймали, не усмотрели, что она совсем хвораая. Вот и не выдержала дальней дороги.

— Теперь кому-то из вас придётся заплатить своей, — сплюнул староста на землю и пошёл в сторону кургана. — Хватит выть! Все на курган!

Девушки в белых рубахах медленно поплелись за старостой в сторону холма, что возвышался в стороне, как раз между селением и лесом. Предстояло выполнить обряд скатывания.

— Испокон веков каждый год, в начале весеннего месяца мая, староста нашего поселения созывает молодежь, кому уже исполнилось пятнадцать годков и постарше, кто не успел выйти замуж. Одеваются девушки в белые рубахи, расшитые обережными орнаментами. Из года в год передаётся рубаха из рук в руки, пока цепочку эту не разомкнёт очищающий огонь, сжигающий жертвенное тело. Все вы знаете, что от рождения ни одна девица не имеет имени, а когда исполнится ей пятнадцать — нарекается Маёвкой. Каждую весну женихов да братьев Маёвок отправляем мы в соседние земли, чтобы выкрасть и принести жертву, которую мы сожжём на площади очищающим огнём. Вот уже много лет наши добрые молодцы приносили жертв, но не в этот раз. Все вы, тут стоящие, знаете законы нашего народа и понимаете, что жертве быть, ибо разгневаются Марена и пойдёт по свету гулять. Тогда наступит великий мор. Мы — хранители древних обрядов и знаний, не можем допустить беды. Обряду задабривания матушки-земли и её дочери Марены быть, — сказал староста и погнал Маёвок на курган.

Зеваки столпились у подножья высокого холма, ожидая скатываний.

*Ой, катись, катись ты, девица, с кургана,
Береги. красавица, свои бока.
Ты катись яичком с великана,
Чтобы гладкой стать, как любит мать-земля.*

После этих слов Маёвки бросились с кургана и покатались вниз, вскрикивая от боли и ушибов — склон был усыпан камнями.

Побитые и израненные, они стояли, потирая ушибы и кровоточащие раны, дожидаясь старосту. Он медленно спустился и сказал, посмотрев на Маёвок:

— Теперь яички окрасились. Загоняйте скотину по домам, будем ждать ночи. Марена придёт дочь выбирать.

Медленно побрели люди по своим дворам. Матери обнимали и целовали дочерей в грязных рубашках, словно в последний раз. Никому не было ведомо — кого выберет Марена.

При тусклом свете луны, через сады и огороды, пробирався высокий юноша, что ещё давеча прискакал из лесу с пустыми руками и разговаривал со старостой. Добравшись знакомыми путями до избы любимой Маёвки, он тихонько прокрался под раскидистый куст и стал ждать. Вскоре скрипнула дверь и вышла стройная красавица в белой рубашке, с убранными в тугую косу светло-русыми волосами. Озираясь, она поманила мужчину, и они оба, перескочив через забор, выбежали в поле.

Маёвка прижалась к любимому:

— Может статься, что последний раз тебя целую, — прошептала и заплакала.

— Что ты, что ты, родная моя. Никому тебя не отдам. Дурной обычай этот. Я в него никогда не верил. Придумали сказку и нас ею пугают. Кровожадные люди хотят в жертву приносить девиц — пусть тешутся, а наших трогать нечего. Сбежим с тобой далеко, будем жить и не знать горя.

— Что ты, Иванко, не говори страшных слов, не гневи землю-матушку. Чего доброго, накличешь на наши головы неурожайный год, все помрём тогда.

— Говорю тебе, давай сбежим. Я пока ехал, заметил селение тихое. Там с тобой и схоронимся.

Маёвка обняла лицо любимого и поцеловала в глаза:

— Нельзя нарушать законы. Нужно слушаться старших. Авось пронесёт. Мне поди уже три года как пятнадцать есть, а я до сих пор землю топчу.

— Потому как привозили девок, а теперь не смогли.

— Не хочу я покидать свой родимый дом. Переждём ноченьку, глядишь, пронесёт.

Иванко обнял любимую и крепко прижал к себе:

— Только давай схоронимся в стогу сена. Проведём ночь тут.

— Ох, Иванко, кличешь ты меня на недоброе. Нехорошо обманывать Марену. Чего б плохого не вышло...

— А мы и не обманываем. Я тебя спрячу и никому не отдам. Хоть стая волков прибежит из лесу, хоть староста со своими псами явится — отобьюсь! Не верю я в Марену. Нет её. Сказки. Ни одного разу на моём веку ничего не бывало.

Спрятавшись в стог, молодые обнялись, приласкались и улеглись спать.

— Зря не веришь, люди сказывают... — прошептала Маёвка, проваливаясь в сон.

— Мало ли что люди сказывают. Нельзя верить тому, что сам не видел, — ответил Иванко и погладил любимую по голове. — Уберегу тебя, а летом свадьбу сгуляем. Никакие старосты не помешают.

Среди ночи Иванко проснулся от шума. Открыл глаза, а перед стогом в свете луны стоит огромная соломенная баба и держит в ручищах его Маёвку. Закричал Иванко, а дёрнуться не может — словно корнями к земле прирос. Соломенное чучело переломила о колено Маёвку и за косу поволокло прочь. Иванко дёрнулся и в глазах его потемнело.

Очнулся оттого, что солнце взошло. Вскочил на ноги — рядом вместо Маёвки лежит пучок соломы, перевязанный красной лентой, а Маёвки нет. Бросился бежать в сторону селения.

Заполонили площадь люди. Кто стонет, кто воет, кто песню обрядовую поёт. Растолкал всех Иванко и пробрался к шесту с колесом. А на колесе, привязанная за косу, висит его Маёвка. Бледное, обескровленное тело болтается безжизненной куклой на шесте. Вся рубаха в крови. Побегал он было к любимой, да отбросили его в сторону.

— Поди прочь, не мешай обряду.

Подхватили солому, разложили горой под ногами Маёвки и подожгли. Вмиг обнял огонь тело жертвы, обдавая округу противным приторным смрадом горящей плоти. Не выдержал Иванко, схватил острый нож и бросился к старосте, вонзил ему под рёбра.

Оттащили Иванко, скрутили и бросили в огонь. Пошёл по толпе шёпот тревожный:

— Нехорошо это. Не по закону. Не смирился Иванко с жертвой, быть беде.

Староста поднялся, держась за окровавленный бок и сказал громко, насколько мог:

— Гори. дочь Марены, гори, нам урожай и сытный год приноси. Сохраняй наше село от наводнений и пожаров, защищай от мора и смертей. Развеем твой пепел по полям и лесам, будет в мире покой. Марена придёт через год и получит новую жертву — да будет так.

Староста сказал и упал на руки, подхватившие его.

— Не будет больше нам покоя. Иванко нарушил обряд — быть беде, — шептались люди глядя, как горит тело невинной жертвы.

Эту легенду из уст в уста передают люди знающие. А не знающие, песни поют в начале мая. Знания растерялись, но обряды остались. Сложно сдерживать люд в страхе и повиновении, оттого всё чаще и чаще Марена рвётся распоясаться и навести беду. Празднуйте, радуйтесь, благодарите каждый день за дары его. Пока приносят в жертву Маёвок — будет мир, будет и хлеб.

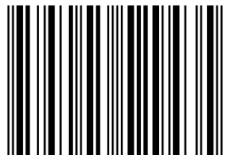
Все на маёвку!
Сборник рассказов

Дизайнер обложки Евгений Диченко
Составитель Ольга Гузова

Ольга Тушнова, Ксения Каракашьян, Екатерина Суханова,
Анастасия Данилова, Юлия Диданова, Надежда Бурковская, Ирина
Ломакина, Жанна Ди, Остя Горгоц, Светлана Бутусова, Анжелика
Шахматова, Екатерина Долганова, Ольга Гузова, Ирина Данилкина,
Оксана Мельник, Элла Чак, Евгений Каган, Алеся Турбан

Что такое «маёвка» — знают немногие современные люди.
Назывался ли так один из главных праздников страны Советов?
Были ли это юные девушки? А может, разгадка кроется в традициях
кельтов или жертвоприношениях Закрытого города? Сколько судеб
вершилось под лозунгом «Мир! Труд! Май!»? Соавторы книги
показали, как самые разные жанры и истории могут подружиться под
одной обложкой, ведь все события произошли в весеннем
месяце мае.

ISBN 978-5-0055-2943-5

9 785005 529435 >